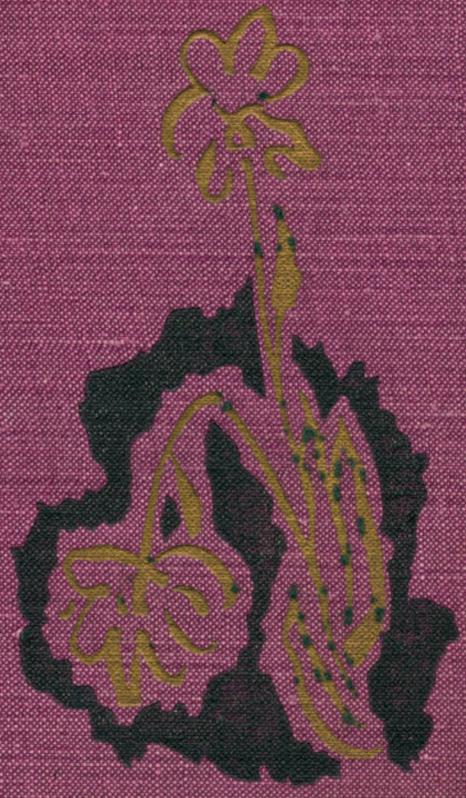

Том Дуоао Чукчи

ПОЛЬ ЭЛЮАР

С
Т
И
Х
И

Перевод с французского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958.

*Составление
и редакция переводов*
О. САВИЧА

Предисловие
И. ЭРЕНБУРГА

Оформление художника
Н. ШИШЛОВСКОГО

О поэзии Поля Элюара

Люди, которым пришлось побывать в годы войны на переднем крае, знают, как потрясает солдата, между двумя разрывами снарядов, в минуту глубокой тишины, пение полевой птицы. Поль Элюар жил и писал в очень шумное время. Люди слушали рев громкоговорителей, вой сирен, грохот бомб. Говорила история, и казалось, только кардиологи различали биение человеческого сердца. Элюар не чуждался своей эпохи, не уходил в сторону — участвовал в боях Сопротивления, боролся за мир; многие из его стихов посвящены тем вопросам, которые знакомы каждому по шуму радиоволн. Если стихи Элюара все же потрясли и потрясают современников, то, может быть, потому, что в них нет желания перекричать эпоху, — в них неизменно слышится голос человека.

Первые стихи Элюара были напечатаны в годы тяжелой для Франции войны, которая казалась людям последней и которую теперь называют «первой мировой».

В 1918 году он написал «Поэмы мира». Вот несколько строк: «Все счастливые женщины увидели снова своих мужей. Они вернулись, как солнце, столько в них тепла, они смеются, они тихо говорят «здравствуй», прежде чем обнять свою радость...» И незадолго до смерти, в 1951 году, он писал: «Люди созданы, чтобы понять друг друга, чтобы любить друг друга, у них дети, которые станут отцами, у них дети, которым холодно на свете, которые заново откроют огонь, которые заново откроют человека».

Идея открытия огня, которая со времени древней Греции вдохновляла поэтов, жила в Элюаре. Еще юношей на фронте он написал: «Меня покинула лазурь, и я развел огонь».

Я привожу стихи Элюара в прозаическом переводе. Я знаю, конечно, сколько они при этом теряют, но я боюсь, что они потеряют еще больше, если я попытаюсь перевести их стихами. Есть поэты, которые поддаются переводу: можно передать на другом языке не только мысль их или образы, но порой и стихотворные приемы. Легко перевести строки Маяковского на любой язык мира:

Дней бык пег.
Медленна лет арба.

Здесь есть образы, мысль, прием — короткие отрывистые слова. Но вот строки Пушкина:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Переведенные на другой язык эти чудесные стихи могут стать пошлым романсом.

Немало русских поэтов от Брюсова до Пастернака пытались перевести стихи Верлена: «Сердце мое плачет, как идет дождь над городом. Что это за тоска, которая заполняет мое сердце?» Дело не только в том, что по-русски нет безличных форм глагола «плакать» или «дождить», — а Верлен писал «Плачется в моем сердце, как дождится над городом», — дело в том, что обаяние приведенных строк относится к найденному сочетанию обычных слов, и его почти немислимо воссоздать на другом языке. В прозаическом переводе читатель по меньшей мере узнает точный смысл строк Элюара и сможет себе представить, как эти скромные фразы звучат неотвязно, становясь поэзией.

Разумеется, и в оригинале человеку, не чувствительному к поэзии, стихи Элюара могут показаться прозой: он сделал все, чтобы лишить свою поэзию внешних примет поэтичности. В его стихах нет ни стихотворных размеров, ни рифм, ни ассонансов. Они держатся на ритме и на загадочном сплетении слов. Имеются во всех странах авторы, которые научились бойко описывать, владеть различными стихотворными приемами, подбирать незатасканные рифмы, они успешно выдают свою прозу за поэзию. Элюар в стихах труден и вместе с тем по-детски прост, откровенен,

как на исповеди. Он не поучает, не рассказывает, не описывает,— он признается.

Есть поэты-живописцы, они как бы придают зрительную силу мечте; их стихи изобилуют образами. К ним во французской поэзии относятся Гюго, парнасцы, Бодлер, Рембо, а из наших современников — в известной мере — Арагон. Среди русских поэтов нашего времени живописной выразительностью обладал Маяковский. Есть поэты другой душевной настроенности: они не показывают, они как бы «ворожат». Их стихи неотделимы от неповторимого сочетания слов.

Элюар в жизни любил живопись, его самыми близкими друзьями были художники. Но если мы задумаемся над творчеством художников, с которыми был связан Элюар, то увидим, что они даже в живописи зачастую ищут решений, лежащих вне данного искусства. Говоря это, я думаю не только о Максе Эрнсте или Кирико (любовь к которым Элюара я никогда не разделял), но и о Пикассо. Элюар был связан с Пикассо многолетней дружбой, они создавали вместе книги — текст писал Элюар, Пикассо рисовал. У них было много общего. Пикассо никогда не стремится изобразить зримый мир, он пишет маслом или карандашом свою книгу — мир такой, каким он его понимает. В поэзии Элюар менее всего был живописцем. Он редко прибегает к пластическим образам. Его определения порой чересчур сжаты, но всегда просты, даже, скажу, бесхитростны. Порой его стихи напоминают мне средневековую французскую поэзию — и повторением параллельных фраз и непосредственностью сравнений. Вот несколько примеров:

«Это горячий закон людей: из грозди они делают вино, из угля они делают огонь, из поцелуев они делают человека. Это суровый закон людей: выстоять, несмотря на войны, на нищету, несмотря на угрозу смерти. Это нежный закон людей: превращать воду в свет, мечту в явь, врагов в братьев».

«Мы идем вдвоем и держимся за руки. Нам кажется, что мы повсюду дома — под ласковым деревом, под черным небом, под всеми крышами, у очага, на улице, пустой от знойного солнца, когда на нас смутно глядят прохожие, среди благоразумных и среди чудаков, среди взрослых и среди детей. В любви нет ничего таинственного. Мы всем понятны, и всем влюбленным кажется, что они у нас в гостях».

«Что вы хотите — дверь была закрыта. Что вы хотите — мы были взаперти. Что вы хотите — улица была оцеплена. Что вы хотите — город был побежден. Что вы хотите — город голодал. Что вы хотите — у нас не было оружия. Что вы хотите — настала ночь. Что вы хотите — мы друг друга любим...»

Элюар осознавал значимость слова. В стихотворении о расстреле гитлеровцами Габриэля Пери он пишет: «Есть слова, которые помогают жить, и это простые слова: слово «тепло» и слово «доверие», слово «правда» и слово «свобода», слово «ребенок» и слова «милый», и некоторые названия цветов и деревьев, слово «мужество», и слово «открыть», и слово «брат», и слово «товарищ», и некоторые названия городов или деревень, и некоторые имена женщин или друзей. Прибавим к ним «Пери».

Элюар чурался красноречия и, хотя часто писал на патетические темы, не выносил пафоса. Его стихотворение «Свобода», написанное в годы Сопротивления, повторяли миллионы французов. Элюар говорит, что он пишет имя Свободы «на моих разрушенных убежищах, на моих рухнувших маяках, на стенах моей тоски». Этот перечень лиричен, и он смягчается будничным, простым: «На моей собаке — ласковой и сластене, на ее настороженных ушах, на ее неуклюжей лапе — я пишу твое имя».

Он изумительно знал поэзию (он составил антологию старой французской поэзии, сборник Бодлера, увлекался английскими, испанскими поэтами), он мог говорить как знаток, как эрудит; замечательно, что это не чувствуется в его поэзии: ни учености, ни стилизации, ни редких слов, ни экзотических интонаций.

В 1924 году в литературных кругах Парижа говорили о том, что молодой поэт по имени Поль Элюар скоропостижно скончался: одни добавляли, что он покончил с собой, другие, что, очевидно, он стал жертвой преступников. На самом деле Элюар исчез и долго не подавал вестей. Переживая внутренний кризис, он отправился в далекое путешествие, побывал на Таити, в Панаме, в Новой Зеландии, в Индонезии, на Цейлоне. Напрасно искать в его стихах внешних признаков этого путешествия: ни тропических пейзажей, ни экзотических названий в поэзии его не появилось. Он с усмешкой как-то объяснил, что он уехал далеко не

ради «поэтической охоты». Мы хорошо знаем и во французской и в русской поэзии немало поэтов, стремившихся к яркому, необычному оперению, для них «Целебес» или «Коломбо» были средством оживить тусклую фразу новой рифмой. Элюар знал обычные слова, но умел их необычно произносить, видя в этом силу поэзии.

Конечно, стихи Элюара порой трудны для чтения. Озадачивает читателя простота, а в некоторых стихотворениях чрезвычайный лаконизм. Страшась излишка слов, Элюар, особенно в конце двадцатых годов, доходил до такой сжатости, что некоторые строки, эмоционально трогая, представляются загадочными.

(Как многие другие поэты Франции, Элюар последовал примеру Гийома Аполлинера и отказался в стихах от знаков препинания, утверждая, что они разбивают ритм стиха и сужают его логически. Это, конечно, в свою очередь затрудняет чтение его книг.)

Поэзия Элюара отличается наготой, прозрачностью. Образы, пафос, риторика, разумеется, воспринимаются легче. Лермонтов писал:

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно! —
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Ничтожной поэзию Элюара назвать трудно, но можно иногда применить к ней эпитет «темная», а воспринимать ее без волнения воистину трудно.

О французском языке часто говорили, что он непригоден для поэзии, это отчасти обоснованно: французский язык чрезвычайно ясен, логичен; он не терпит произвольного размещения слов в фразе; притом постоянное ударение на последнем слоге слова придает стиху известную монотонность. Бодлер первый «опозитивировал» французский язык, заменяя часто обычную логику поэтической. Элюар пошел по его пути, и естественно, что поэты, которые пишут в манере Гюго, для неискушенного читателя куда понятнее.

Критики, любящие устанавливать так называемую «доходчивость», в двадцатых и тридцатых годах называли Элюара поэтом для сотни любителей. Это было верно, поскольку поэзия Элюара была в то время неизвестна широким кругам читателей. Настала вторая

мировая война. Миллионы французов переписывали стихи неизвестного им дотоле автора, с этими стихами заложники шли на казнь и партизаны в бой. Поэт для сотни любителей оказался понятным и понятным всеми.

Может быть, это объясняется тем, что поэзия Элюара изменилась, что он стал писать по-другому? Порой, когда пишут о поэтах, которые пришли к коммунизму, устанавливают дату перелома в их творчестве: до такого-то года автор писал о любви и писал непонятно, с такого-то года прозрел и начал писать доступно для всех на гражданские темы. Такое разделение, мне кажется, несколько упрощенным, а к Элюару оно вообще неприменимо: в его творчестве трудно найти перелом, есть прямая связь между его первыми стихами и предсмертными. Конечно, появлялись новые мысли, новые темы, новая надежда — их приносила жизнь, и поэзия росла. Но и в ранней молодости Элюар возмущался войной, несправедливостью, попранием человеческого достоинства, как и в последние годы не разлучался с темой любви.

Он написал свои первые стихи, когда был солдатом; первая его книга называется «Долг и беспокойство». Он писал в ней: «Война зимой — нет ничего труднее...» Он возмущался теми, кто отдал смерти молоденького солдата Фернана Фонтэна. Те же темы, те же чувства можно найти в его стихах четверть века спустя. В своей последней книге, «Феникс», он писал о любимой женщине: «Ты пришла, я был печален, я сказал «да», только с тобой я сказал «да» жизни».

Новые темы не вытесняли прежних, и Элюар никогда не отрекался от своих ранних книг. Есть у него стихотворение, для него необычное, если угодно полемическое, оно написано в 1949 году и посвящено «моим требовательным друзьям», — под этими словами Элюар подразумевал тех любителей его поэзии, которые не захотели принять политических стихов поэта. «Если я вам скажу, что на ветвях моей кровати свила гнездо птица, которая никогда не говорит «да», вы мне поверите, вы поймете мою тревогу... Но если я пою улицу, пою мой край, как улицу без края, вы больше мне не верите...» Поэт упрекает в непоследовательности своих «друзей», он же никому и ничему не изменял. Он продолжал помнить и о птице, которая тревожила

его сны. Два года спустя в книге «Феникс» эта птица вымолвила «да».

Поэтическая биография Элюара может, пожалуй, озадачить критика, мыслящего готовыми категориями. Элюар в течение довольно долгого времени был вдохновителем французских «сюрреалистов». Борьба против академических форм в литературе и мешанской морали началась давно: в эпоху так называемых «проклятых поэтов». К тому времени, когда в литературу пришел Элюар, цели, которые ставили Бодлер, Рембо, Тайяд, Аполлинер, не были достигнуты; но эпоха литературных школ, различных «измов», отмирала. «Сюрреализм» был, кажется, последней попыткой применить оружие прошлого века против противника, который, сохраняя прежнюю сущность, учел ход времени и заменил сентиментального Лоти циничным Мораном, а уютные кафе с красными бархатными диванами — американскими барами. Элюар понял после испанской трагедии необходимость иной борьбы и мужественно вел ее до смерти.

Сюрреализм был для него стремлением утвердить место поэзии в жизни, помочь смене реальности буржуазного общества — иной, более справедливой и более достойной человека. Конечно, в литературной практике сюрреалистов было много и ребяческого и вздорного: эпоха не раз над ними посмеивалась; попытка перенести в двадцатые годы нашего века проделки «проклятых поэтов», пугавших буржуа в 1880 году, придавала многим манифестам сюрреалистов пародийный характер. Но нужно оговорить, что никогда ни Элюар, ни другие сюрреалисты не пытались уйти в «башню из слоновой кости». Одним из любимых изречений сюрреалистов было: «Поэзия — творчество всех, а не одного». Они издавали журнал, который назывался «Сюрреализм на службе революции». Когда пришли годы испытаний, сюрреалисты оказались в двух враждующих лагерях: в одном Элюар и Арагон, в другом Бретон. Но, может быть, первые не порвали со своим прошлым, а его осмыслили и углубили? В годы сюрреализма Элюар написал много прекрасных стихов, на которых нет отпечатка литературной школы, переходящих увлечений. Сюрреалисты в своих достаточно путаных декларациях говорили, что в человеке немало иррационального и что этого не следует отмечать; по их словам,

многое из иррационального не только реально, но и «сверхреально». Для Элюара все это было не философской программой, а поэтической исповедью: ведь в своей поэзии, в отборе слов, в их сочетании, он руководствовался скорее поэтическим чутьем, нежели строгой логикой. Именно поэтому сюрреализм был в его биографии не случайным заблуждением, но и не путеводной звездой, а фазой развития, эпизодом. В 1936 году он писал: «Пришло время, когда все поэты должны и вправе заявить, что они глубоко вклинились в жизнь других людей, в общественную жизнь»,— и это не удивило никого: поэзия Элюара всегда была связана с жизнью общества, в котором жил поэт.

Со всей силой поэзия Элюара зазвучала как выразительница мыслей и чувств французского народа в годы фашистской оккупации и Сопротивления. Он не пытался писать понятнее, он жил со всеми, а борьба, мужество, страдания приподымали людей, делали их открытыми для восприятия высокой и, казалось бы, трудной поэзии. В 1942 году была издана книга Элюара «Поэзия и правда». Вскоре миллионы людей повторяли стихи: «Я родился, чтобы узнать тебя, чтобы назвать тебя, Свобода!» Он примкнул к Сопротивлению, организовывал подпольные издания, выполнял любые поручения, ездил по Франции с листовками в карманах и с надвигающимися стихами в сердце. Одно время ему пришлось скрываться от гестапо в больнице для умалишенных в Сен-Альбане. Два месяца, окруженный несчастными больными, на снежной горе, среди метели и вражеских постов, он работал: он написал там много замечательных стихов — о борьбе, о надежде, о счастье.

Кончилась война, но люди продолжали жить в тревоге: мира не было. Поль Элюар понял, что для поэта-коммуниста не может быть ни покоя, ни даже передышки. Он воевал за мир. Его можно было увидеть на конгрессах сторонников мира, на площадях Франции и Италии. Во время гражданской войны в Греции он проехал вместе с Ивом Фаржем в те районы, где еще держалась Армия освобождения. Как в 1936 году Испания, Греция 1949 года потрясла его душевной чистотой, горем, упорством.

Если сопоставить стихи Элюара, написанные на политические темы, с его лирикой, то мы не увидим разрыва. Когда он говорил о «маки», о горе Граммос, о сто-

ронниках мира, его одушевляли те же думы и чувства, которые продиктовали ему стихи о печали, о любви, о смерти. Чем был predetermined политический путь Элюара? Прежде всего неистребимой жаждой справедливости. Бодлер писал, что подлинная поэзия — «отрицание несправедливости». Бодлер жил в смутное время, и вся его жизнь отмечена глубокими противоречиями. Жизнь Элюара неотрывна от его поэзии. Он воистину страдал от несправедливости не только как гражданин, но и как поэт. Не менее справедливости он любил свободу, никогда не противопоставляя одну свою привязанность другой. Свободу он ощущал как реальность, зримую, осязаемую, и не только писал ее имя на всем, что видел, но и не думая о ней — ее ощущал. Право же, к нему больше, чем к другим современникам, можно приложить слова Пушкина: «...в мой жестокий век восславил я свободу».

Доброта совсем не обязательное свойство поэзии, мы знаем немало замечательных поэтов, благородных, смелых, мудрых, но лишенных человеческой доброты. Элюар был добрым не только в жизни — в поэзии. В одной поэме о любви он писал: «И потому что мы любим друг друга, мы хотим освободить других от холода одиночества. Мы хотим, я говорю — я хочу, я говорю — ты хочешь, мы хотим, чтобы свет взошел над другими...» Чужое счастье было для Элюара не только философическим положением, принципом морали, пунктом политической программы, но и глубокой личной потребностью.

Все встречавшие его знают, что редко можно найти такое единство между художником и его творчеством, как то было в поэзии и в жизни Элюара. Он очень походил на свои стихи, и стихи его всегда были автобиографичны. Он был необычайно скромным, чурался славы; мягкий, участливый, он был окружен любовью всех, с кем встречался. Он не был тем рассеянным, неземным поэтом, которого рисуют себе романтически настроенные подростки: он участвовал в жизни, видел все ее мелочи, но никогда не терял из виду своей большой мечты.

Поль Элюар умер 18 ноября 1952 года, в возрасте 59 лет; не будет преувеличением сказать, что Франция (да и поэзия мира) горько пережила эту потерю. На похоронах Элюара можно было увидеть и знатоков

поэзии, и цвет творческой Франции, и множество обыкновенных людей, помнивших стихи Элюара в военные годы, встречу мужества и искусства.

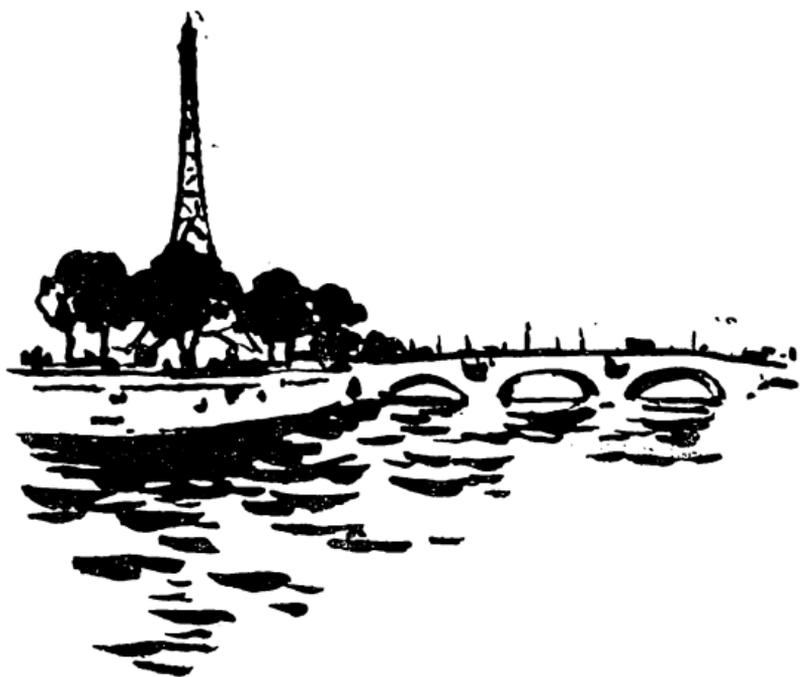
Порой на Западе приходится слышать о том, что поэзия отжила свой век, что ее существование теперь эфемерно, связано скорее с известными привычками, чем с душевным горением. Конечно, различные формы искусства рождаются, дряхлеют, отмирают, но рассуждения о смерти поэзии в наше время построены скорее на правдоподобности догадок, нежели на правдивости данных. Одним из оснований для таких утверждений являются различные попытки создания непоэтической поэзии. Во Франции, как и в других странах, пишут стихами то, что легко можно выразить в прозе. Это и неразумно и бесполезно. Я имею в виду не темы, не чувства, не мысли: поэт живет в том же мире, что и прозаик. Но есть такие прозрения, такие ощущения гармонии или разлада, которые не выразишь ни в новелле, ни в статье. Темы Элюара обычны, но то, что он хочет выразить, относится к миру поэзии, и выражает он это средствами, доступными поэту. Глубокая прозаичность многих псевдопоэтов породила и другое заблуждение — попытки уйти в сторону музыкального сочетания звуков, чередования слов вне их значения или даже переход на несуществующий язык. Можно сказать, что и такие попытки неразумны: в слове — клубок и логического смысла, и тех ассоциаций, которые оно вызывает и, наконец, звучания. Абстрагировать звучание бесцельно: есть музыка, рождаемая звуком и воздействующая им. Элюар не только почитал слово во всей его полноте, он вернул ему то значение, которое оно готово было потерять (обесцененное потоком стихотворных деклараций). Поэзия Поля Элюара — живое доказательство того, что поэзия живет, требует, ранит, лечит, приподымает.

И. ЭРЕНБУРГ.

1913-1936

Из ранних стихов
1913 — 1917

БЕЗУМЕЦ ГОВОРИТ

Вот мать моя, мессьё, а с ней — моя невеста.
Они проходят под руку вдвоем.
Бить по щекам меня любила молодая,
А старая — за волосы драла.

И все-таки, клянусь, я их любил,
Хоть и хранил наивное желанье
Просить у них чуть-чуть побольше ласки,
Чуть-чуть побольше ласки и любви.

Но ведь, клянусь, месъё, они меня любили,
И, разумеется, не их вина,
Что я хотел все время быть счастливей,
Хоть капельку счастливее, чем был...

Вот мать моя, месъё, а с ней — моя невеста,
А впрочем, для меня они — одно,
Ведь обе были радостью моею,
И обе слезы заставляли лить.

Когда рыдал я, плакала и мать.
А что касается моей невесты,
Моею до конца — увы! — она не стала...
Не знаю, кто был прав из нас троих.

Вот мать моя, месъё, а с ней — моя невеста.

Д Р У Г У

Хочу о жизни говорить твоей,
Пока ты жив,
Ты — все мое веселье.
Светло твое лицо, и я люблю тебя.
Суровой матерью ты был рожден,
Но сделала тебя нежней ее суровость.
Ты — доброе вино.
Ты зажигаешь свет
И говоришь о недалекой смерти...
Неправда, друг: ты создан, чтоб смеяться,
Ты создан для того, чтоб мне давать
Вот этим холодом суровым больше
Тепла, чем солнце!

СОБАКА

Звонки...

Дверь открыта.

Кто-то машет руками.

Звонки...

Кто-то ходит.

И опять исчезает куда-то.

Можно просто взбеситься от злости!

Все собаки скучают,

Если нету хозяина дома.

ИСКУССТВО ТАНЦА

Спроси у зрителей —
Им все известно:
И распорядок, и места, и час.

Но танцовщица в золотых монетках,
Как в чешуе,
Как в капельках воды —
Она не знает ничего иного
И ни читать не может, ни считать.
Она, как зеркало, наивна.

Для нее
И кровли нет — одно большое солнце
Да тень горячая, не знающая стен...

Но вьются золотые позументы,
И так блистают дикие алмазы
Ее фальшивой наготы,
что в зале
Давно забыли зрители о том,
Что лишь для танца рождена она,
Да, лишь для танца!

ЕДИНСТВО

Весенний ветер плавит чистый снег,
Он пробудил цветы в густой траве
И солнце от оков освободил.

О дочь весны, и лета, и зимы,
Меня твой шаг с землею обручил,
И круглый год ее любить могу.

Ведь нашей страсти не нужна весна,
Как не нужна и красота твоя,
Как не нужна и доброта твоя.

Она сама — весна и красота!

Л Я Ж Е М С П А Т Ь , С Т А Р И Н А ...

Ляжем спать, старина, уж становится поздно,
Наше дело, дружище, дневное теперь.
Хоть и жалко нам тех, кто сырыми ночами
Должен стынуть и мучиться, глаз не смыкая,
Но они ведь свое отоспали давно!

Ляжем спать, старина, надвигается вечер,
И никто по дороге уже не пройдет,
Где шиповник на память оставил в канаве
Лепестки, будто тысячи алых ладоней,
Из которых шипом ни один не задет.

Ляжем спать, старина, наплывают потемки,
И, пожалуй, довольно играть нам и пить:
Расстегнем пояса и оружие сбросим
Да вдвоем развернем одеяло пошире,
По которому черные звери ползут.

Долг и тревога 1917

ФЕРНАНУ ФОНТЭНУ

Призыва 1916 года; убит
20 июня 1915 года

В мире много вещей,
Мимо которых пройти —
Означает снискать порицание доброй морали.
Тех, кому недоступны они,
Ты всегда осуждал,
Когда мы с тобою бывали.

Город вечером в воздухе растворен,
Ты на скрипке берешь октаву.
Рядом с Бастилией — мы вдвоем.
«Помнишь ты об уроке своем?..»
Независимость юным по нраву!..
Мы ее искали — не славу,—
Когда мы с тобою бывали.

Страдает человек на всей земле.
И кровь твоя разрывает почву...
Оставившие тебя на краю воронки,—

Они теперь одиноки.

* * *

Малютка-девушка приехала в Париж.
В Париже все бурлит, в Париже все гремит.

И, боязливая, идет через Париж...

А шум стекает с крыш, а шум стекает с крыш.
И в черных сюртуках, вставая на пути,
Большие, сытые, мешают ей пройти...

О сердце громкое, зачем ты так стучишь?

ВЕРНОСТЬ

Из этой тихой деревни
Идет, трудна и крута,
Дорога к слезам и крови...
Но наша душа чиста.

Жаркие ночи спокойны,
И мы для подруг храним
Драгоценную верность: надежду
Живыми вернуться к живым.

ТРЕВОЖИТ МЕНЯ

Тревожит меня опустевшее небо
И ливень — он нас до нитки промочит.
Я шагаю — и знаю: большое счастье
Пришло бы к нам, если б мы захотели.

Делят тревога и долг
Жизнь мою пополам.
(Поверьте, мне нелегко
В этом признаться вам.)

Запах зелени в ноздри бьет.
Летают ласточки в бездонном небе.
Наши мечты за ними летят..
Я мечтаю о спокойной надежде.

МОИ ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Я писал печальные земли,
Где люди безумно устали —
Устали за радостью гнаться.
Я писал печальные земли,
Где люди дворцы воздвигают.

Я писал бесстрастное небо,
И море с его кораблями,
И снег, и ветер, и ливень.
Я писал бесстрастное небо,
Где люди дворцы воздвигают.

Я расходовал дни и ночи
Своего труда и досуга.
Никого не смутил я. Счастливы,
Ни о чем не просите — пойду я
В двери огня стучаться.

Стихи о мире
1918

I

Счастливая женщина

Вновь обрела своего мужа — вернулся он с солнца:
Так много принес он тепла.
Он смеется и тихо совсем говорит «добрый день!» —
Перед тем как обнять свое чудо.

II

Сияющая!.. Грудь твоя легко так выгнута, жена, **!**
Жена моя, моей ты стала больше, чем во времена,
Когда я с ним, и с ним, и с ним,
Держа винтовку, жизни не видал.

III

О мои товарищи по битвам,
Для меня вы дороги, как прежде,
О мои друзья!
Но не будьте на меня в обиде,
Если мне сейчас еще дороже
Круг любви — моя жена и дети
У большого круглого стола.
О мои друзья!

IV

Ты ходил в атаку с толпою солдат.
 Ты спать ложился с толпою солдат.
 А теперь, среди тишины,
 На супружеском ложе
 Твой сон растревожит
 Сильнее, чем тысяча храпящих глоток,
 Дыханье спящей рядом жены.

V

Пускай мой ребенок упрям и капризен,
 Я счастлив капризы его исполнять.
 О как он прекрасен, веселый ребенок,
 Как радостно с ним я смеюсь...
 Смеюсь!

VI

Трудись.
 Труд десяти моих пальцев, труд моей головы —
 Труд всемогущего бога, труд рабочей скотины —
 Жизнь и надежда каждого дня,
 Опора нашей любви...
 Трудись!

VII

Любимая, пусть расцветает
 Белая роза твоего молока.
 Любимая, матерью стань скорее —
 Ребенка мне дай
 по образу и подобию моему.

VIII

Мое лицо ненужным было долго,
Но теперь —
Мое лицо — затем, чтобы любимым быть,
Мое лицо — затем, чтобы счастливым быть.

IX

Мне нужна возлюбленная,
Светлая и тоненькая,
В платье развевающемся...

X

Я, как юноша, мечтаю
О красавицах спокойных,
Что гуляют по ночам
Под широким небосводом,
Под бездомною луною,
Тихой спутницей любви.

XI

Вновь сады озарены цветеньем,
Я пришел возделать этот сад.
Солнце темным пламенем пылает
На моих натруженных руках.

*Животные и их люди.
Люди и их животные*
1920

Р Ы Б А

Рыбы, пловцы, корабли
Меняют лицо воды...
Вода тиха и нежна.
Лишь порою она
Всколыхнется,
Отзываясь на ласку.

Рыба вонзается в воду,
Как палец в перчатку.
Пловец танцует лениво.
А парус вздыхает.

И вода колышется нежно,
Отвечая на ласку
Рыбы, пловца, корабля...
Она их несет
И уносит.

В Л А Ж Н Ы Й

Подскакивает камень на воде,
И вьется дым, в нее не проникая.
Вода лоснится кожей тугой —
Ее ничем поранить невозможно.
Ее ласкают:
Человек и рыба.

Один — поймал. Другая — тетивой
Звенит на берегу и умирает,
Не в силах проглотить стихии злой,
Чужой стихии воздуха и света.

А человек ныряет в глубину:
За рыбой — или
За горьким одиночеством воды,
Всегда подвижной и всегда закрытой.

ПТИЦЫ И ВЕТКИ

Тысячи птиц —
В колючих капканах веток.
Тысячи веток —
В когтистых капканах птиц.

Примеры
1921

РАБОЧИЙ

Видеть в деревьях — доски,
В горных кручах — дороги,
В лучшем возрасте, в возрасте силы,
Ткать железо и камни месить,
И украшать природу
Человеческой красотой —
Работать.

П Р Е К Р А С Н О Е

Прекрасное прекрасно для счастливых,
Уродливо для скорбных
И зримо даже для слепых.

МУЗЫКАНТ

Чуть слышится где-нибудь звук инструмента,
В наивном сознание мгновенно рождается
Музыка —
Музыка губ обнаженных:
Она наполняет пространство вокруг —
От края знакомой земли и до края
Земель незнакомых...

Взгляни на него:
Его голова — не от мира сего,
А руки — земные,
Прекрасные, тонкие руки.

Столица гора
1926

ВСЕГДА ВПЕРЕД

Бежать, бежать — всегда вперед,
Освобождаясь на бегу,
Все находить, и собирать,
И с каждым мигом богатеть!

Бежать с такою быстротой,
Чтоб нити времени рвались
От шума крыльев за спиной,
Широких крыльев за спиной!

Бежать, бежать — всегда вперед,
Освобождаясь на бегу,
Бежать стремительнее всех
И даже знамя обгонять!

Б Е З О Б И Д Ы .

Заплаканы глаза, несчастья несчастных...
Они не имеют значенья, и слезы бесцветны,
И ничего он не просит для чуткого сердца.
Он печален в тюрьме, но печален и на свободе.
И плохая погода сегодня, и черная ночь наступает,—
В такую из дома не выгонишь даже слепца.
Сильные — не у дел, а слабые правят странюю,
Король стоит, рядом с ним сидит королева.
Улыбки и вздохи... И оскорбленья гниют
В устах у немых и в глазах у трусливых.
Не трогайте здесь ничего: это жжет, а это пылает!
Суньте руки в карманы или в затылках чешите!

*

Черная ночь...
Всё несчастье огромного мира.
Но любовь моя сверху над ним,
Как любовь косматого зверя.

ИХ ГЛАЗА ПО-ПРЕЖНЕМУ ПРОЗРАЧНЫ

Дни промедленья, дни, когда идут дожди,
Когда разбито зеркало, потеряна иголка.
Дни век, закрытых перед синим морем,
Дни монотонной скуки, дни в плену...

Мой ум среди листвы еще сияет,
И простодушен он, как нагота амура.
Заря велит ребенку наклониться
И в собственное сердце заглянуть.

А я увидел самые прекрасные глаза на свете!
Серебряных богов и пригоршни сапфиров!
Да, подлинных богов, и птичьей стаи,
И птиц, что на воде. Я видел их!

И крылья их — мои, и существует в мире
Лишь их полет: он потрясает сердце
Среди мерцанья звезд и утреннего света.
Река, равнина, скалы... Я лечу
На светлых волнах этих крыльев!

И мысль моя — о жизни и о смерти.

САМЫЙ ЮНЫЙ

На уровне легких стрекоз
Качается в люльке ребенок:
Он пристально смотрит на травы,
Доверчиво в небо глядит.

А легкий туман, словно кот,
Потягиваясь спросонья,
Облизывает себя...

И знает ребенок, что мир
Едва начинается. Все
Легко и прозрачно. Листвой
Дрожа, покрывается небо,
И где-то в земной сердцевине
Уже голубеет луна.

И в детских глубоких глазах,
Огромный, как белые ночи,
Впервые рождается свет.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ

Она как будто наступила мне
На сомкнутые веки и смешала
Рассыпанные волосы свои
С моими волосами.

У нее —

Цвет глаз моих и форма рук моих,
И, словно камень в небе,
Без остатка
Она теряется в моей тени.

Ее всегда открытые глаза
Уснуть мне не дают.

Ее глаза

Что и при свете дня неугасимы,
В дым превращают солнце, заставляя
Меня смеяться —
Плакать и смеяться,
И говорить, не зная, что сказать.

ПРЕХОДЯЩЕЕ И ВЕЧНОЕ

Слова становятся воспоминаньем давним.
Молва становится древнейшим анекдотом.
И даже эпопея — преходяща.

Препоны и издевки — преходящи,
Убийцы и сатрапы умирают,
Срываются и блещущие звезды.

Но вечно избавление от плена.

И вечен, вечен — смертный человек.

* * *

Твои глаза — круг сердца моего,
Как хоровод они вокруг него.
Они колышутся, как колыбель ночей,
И времени венки на них надет.
И годы,
 когда глаза твои не видели меня,—
Я позабыл.

Мох росистый, листва,
Камыши и твои слова,
Крылья, миру несущие света лучи,
Корабли, груженные небом и морем в ночи,
И источники шорохов, красок ключи.

Целый выводок зорь только вышел на свет,
На соломе звезд приютился.
День не может без света,
А я — без твоих чистых глаз,
Кровь моя — в твоих взглядах всегда и сейчас.

* * *

Мир пуст, и в нем — оранжевость волос
Средь пустоты тяжелых молчаливых стекол,
Средь мрака, где я голыми руками все отблески ищу.

И призрачно твое немое сердце,
Любовь твоя равна моим утраченным желаньям.
О, вздохи, взгляды и мечты!

Ты не всегда была со мной. И память
Затмилась оттого, что видел я, как ты пришла
И прочь ушла. Слова — для времени, как для любви.

ПОСТОЯННАЯ И ВСЯ

Если я говорю: «Я покинул все»,
Это значит — она не со мной.
Я не хвастаю,
Это неправда.
И не знает глубинный туман,
В нем ли я, или нет.

Всер губ ее, глаз ее отраженье —
Кто расскажет об этом, кроме меня?
Я один окружен этим зеркалом,
И воздух ее сквозь меня одного проходит.
Этот воздух — лицо, любимое лицо,
Любящее лицо, твое лицо.
Тебе, у которой имени нет и которую другие не знают,
Море сказало: «Ты глубже меня», небо сказало:
«Ты выше меня».

Звезда думает о тебе, тучи тебя понимают.
И кровь, пролитая не понапрасну,
Кровь нескупая,
Несет тебя с радостью вместе.

Я пою свою радость петь о тебе,
Радость слиться с тобой и быть возле тебя,
Радость ждать тебя — и просто знать тебя.

О ты, запретившая мне неизвестность
И вводящая в мир меня,—
Я пою, чтобы петь, я люблю, чтоб воспеть
Тайну, что мою создает любовь и тебя отпускает в
свободу.

Ты чиста — даже чище, чем я.

ДЕРЕВНИ УСТАЛОСТИ

О деревни усталости,
Где у медленных девушек
Обнаженные руки — как струи воды.

О деревни усталости,
Где движения замерли
И похожими кажутся все существа.

Л И Ц О

Вся жизнь по морщинам моим протекла,
Как темный янтарь,
Чтобы медленно вылепить
Маску — прекрасную маску смерти.

Погружаясь в жизнь
1932

КРИТИКА ПОЭЗИИ

Ну конечно, я ненавижу царство буржуев,
Царство шпигов и попов!
Но еще больше — людей, что не так его ненавидят,
Как я.
Не всеми силами своего «я».

Плюю в лицо ублюдкам,
Кто всем стихам моим не предпочтет
Эту критику поэзии!

Д О В О Л Ь Н Ы Е

Они всегда едят.

Они — гурманы, и они — довольны.

Когда ж они смеются, то едят

Еще прожорливей.

ЗЛО

Туной шилой скрипела дверь,
Неумолимы были стены,
И холод беспричинной грусти
Бродил по комнате пустой.
Пол снисходительно прильнул
К той стороне игральной кости,
Которая всегда могла бы
Выигрывать наверняка.
В разбитых стеклах раздиралось
Трагическое тело ветра,
Тускнели смешанные краски,
И стыли берега болот.
Снаружи был обычный день,
Но в потерпевшей пораженье
Холодной комнате царили
Растерянность и пустота.

В О З Р А С Т . Ж И З Н И

Рене Шару

I

Зимнее утро, летнее утро:
Губы закрыты, и розы созрели.

Дали щемящие взор наш зовут,
Убегает волна, и повсюду песок.

Летний вечер собран в голосе грома;
Умирая, пылает равнина и возрождается ночью.

Зимний вечер дышит безжалостным льдом,
Голый лес — наводнение мертвой листвы.

Равновесие года — неуловимо и живо,
Равновесие года — в равновесии лет.

II

Нам было восемь, было нам пятнадцать.
Старая, чернили зарю и жизнь.

Мужчины, жёныны, которых не любили...
Не думали о них. Они не оставляли тени.

Но, постарев, мы заселили бездну,
Мы повторили взрослых путь.

III

Но это зеркало мало,
Чтоб видеть в нем, смеясь, за глазом глаз,
И только нос — и больше ничего.
Но это зеркало мало, чтобы сердиться перед ним.
Мы с миром в этом зеркале — одно.
В этом зеркале с нами играют
Тысячи девушек,
Тысячи обещаний.

IV

Суровости и мягкости цвета
Мы смешивали.

Все было бесполезно:
А чему служили мы?

Мы все — песчинки,
На ветру, не осязаемые.

И искры
Под огненным зонтом.

Мужчины, женщины,—
Детьми мы разве были?

Сам ветер — в замешательстве,
Свет — в заблужденье.

Пустяк парализует нас,
Мы размышляем в темноте.

V

Игрушки детей — инструментами стали,
Трудами, предметами важных забот.
Мы взрослыми стали, и смех беспричинный
Теперь недоступен, — мы прячем его.

Под сводами дня — солнце смерти ревниво
Ткет тощую радугу окон-мозаик.
У нас две руки и одна голова, —
Вот мы и слагаем, вот и вычитаем.

Туман наслаждений, и небо здоровья,
И радостный шепот любви — молодят нас,
Весна уж не так хороша, зима — сносна,
И ночь о невинности только мечтает.

VI

О невинности и о силе,
О трамплинах надежды и доверья.

И о слабости, друг мой упрямый,
Друг мой нежный,
Мой друг справедливый.

Мы молоды были,
Но в разное время
По-разному молоды были.

Но молоды были мы
Не настолько,
Чтобы отыскивать вехи бессмертья.

Сто лет никогда нам не будет.

И молнией — знаю — нагрянет надежда,
И встанут полёгшие нивы, как в сказке,
И станут печали — счастьем.

Старость — вчерашний день.

VII

Лицам каменным
Наперекор —
Мы посмеемся.
Сердцам скованным
Наперекор —
Мы надеждой живем.
От мечты отказаться
И мрак выносить —
Не заставит ничто нас.
Ни сомнений
И ни колебаний —
Мы идем.
Всегда на земле
Все трепещет и все поет,
Все меняется и наслаждается.

Роза для всех
1934

НЕБО ЧАСТО СМОТРИТСЯ
В СЕБЯ НОЧЬЮ

Мондаль — парижанин,
Из старой породы ублюдков,
Одинокий, болезненный, бедный.
Он с трудом зарабатывает на жизнь,
На врагов он не нападает,
Белье у него далеко не в порядке,
Глаза его блеск потеряли.
Распадается дом, и сердце слабеет,
Теперь уже поздно о чем-нибудь думать,
Ни сон, ни лето ему не помогут,
И все же он умирать не желает.

В грозовой долине,
Ни плохой, ни хорошей,
Корни всех этих бедствий
Гниют,
А зелень примята,
Нагромождена, свалена в кучу,
Как старые книги.
Слышен звон погребальных фиалок.
Но Мондаль безучастен: бледные губы,
Живет он в ограде зарытых могил,

Руки не сжаты в кулак, охвачены дрожью —
Тихим трепетом тины.
Под ветром — нервы,
Под набухшими венами ливней —
Жирная земля,
Под притушенным солнцем —
Сердце!
Есть величье во всей этой тяжкой упряжке,
В колеснице плохой ежедневной погоды,
Уверенно шествующей средь людей.
Какая бедность!
Какой вызов!

И тем не менее слышим мы смех на земле,
Аплодисменты юным ее поколениям,
Лишенным тяжелых воспоминаний,
А солнце нам обещает свежее утро
У подножья последней крепости в мире,
Готовой растаять, как дым.

Все это необъяснимо,
Поскольку Мондадь велик и ничтожен,
Беден и одинок, ничего не желает,
Даже бороться с врагами.

Щедрые глаза

1936

* * *

Нельзя меня знать
Лучше, чем знаешь ты!

Твои глаза — мы спим в их глубине,
В них раскрываются зарницы нашей страсти,
Чей свет счастливей всех ночей земли.

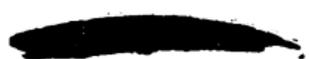
Твои глаза — я затерялся в них,
Я путешествую по их живым дорогам
И ухожу все дальше от земли.

Твои глаза — в них стали даже те,
Кто нам поведал, как мы одиноки,
Совсем иными вопреки судьбе.

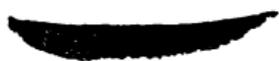
Нельзя тебя знать
Лучше, чем знаю я!

Д Л И Т Ь С Я

Один-единственный порыв,
Порыв стремительного ветра —
От горизонта к горизонту,
Из края в край, по всей земле:
Чтоб далеко развеять пыль,
Чтоб сбросить листьев мириады,
Чтоб все посева уничтожить,
Чтоб все деревья оголить,
Чтоб стаи птиц швырнуть на землю,
Чтоб разбросать тугие волны,
Чтоб клочья дыма разметать,
Чтоб даже солнце пошатнулось,
Пылающее в небесах...
О этот невесомый мир,
Огромный, древний, ослабевший,
Меня не знавший никогда,
В котором я ношусь бесцельно,
Как обезумевшая тень...
Я буду лишь тогда свободен,
Когда очнусь в других руках.

1937-1945

Свободные руки
1937

СВОБОДА

Свобода!.. Чуть-чуть голова кружится,
и спокойны босые ноги.
Свобода! Ты легче и проще,
Чем весна в ее стыдливой прозрачности. ●

ПОД ЗОЛОТЫМ ЛУЧОМ

Когда мы смотрим друг на друга,
Искрятся скатерти снегов,
И солнце близится, и окна
Объяття раскрывают нам,
И вдоль всего пути добра
Нас ожидают с нетерпеньем
Одни раскрытые объяття,
Одни распахнутые крылья,
Одни распахнутые ночи,
Одни распахнутые дни.

И звезды канувшего детства
Нас обступают — и поют.

Когда мы смотрим друг на друга,
Страх исчезает, терпкий яд
В траве теряется высокой,
А в мертвых опустелых храмах
Протягивает нам терновник
Над узловатой тенью веток
Багряно-черные плоды.
И свежее вино земли
Захлестывает буйной пеной
Цветные мириады пчел.

И вспоминаются крестьянам
Надежды урожайных лет.
Когда мы смотрим друг на друга,
Вскрываются тугие вены
Всех расстояний и времен,
И радостный прилив ласкает
Извилистую плоть земли.
Цвета свои меняет мир,
А львы, и голуби, и лани,
Дрожа от ветра, созерцают
Рождение себе подобных —
Живые облики весны.

И мать обилья примиряет
Слепую страсть и чистоту.

Когда мы смотрим друг на друга,
Старинной жизнью, вечной жизнью
Пылают стены, а снаружи
Вздывается постель природы,
Всегда невинна и свежа.
И тихий вечер оmyвает
Слезами радости тебя,
А ты улыбкой мир встречаешь,
Где ты — раба и королева
Неувядаемой листвы.

И чудится: в твоих ладонях
Источник музыки звучит.

Когда мы смотрим друг на друга,
Искрятся скатерти снегов,
И солнце близится, и окна
Объятыя раскрывают нам.

И пусть я сумрачен и темен,
Но ты — прозрачна и ясна,
И мы везде видны друг другу,
А наше слитое дыханье
Нас погружает в мир огромный —
В наш первый и последний сон.

ДОБРЫЙ ГОД

Добрый год!
Земля набухла соком.
Небеса разлились по полям...
И роса, дрожа, горит желаньем:
Распуститься свежими цветами
На упругом животе лугов.

Ч У В С Т В А

Без покрывал,
С невинным детским лбом,
Ты рушишься мне в душу, как топор,
Такой слепящий
И такой тяжелый,
Что перетянет на весах свинец.

Прислушайся, как вянет бирюза
И распускается рубин.
Твой рот
Зовет к соблазнам все твое лицо,
И тело нежное прийти ко мне готово,
Как бьющееся сердце.

* * *

Стерлось все: и муки и надежды,
И навек увенчаны презреньем
Дряхлые развалины держав.

Звезды плавают в глубоких водах,
Больше нет теней у красоты.

Молча мы глядим в глаза друг другу
И — как равные — между собою
Смело делим радостное чудо:
Жить и жить, о времени забыв!

В СТАРОМ ДОМЕ

Стены в этом доме похожи друг на друга,
И слышно изнутри,
Как робко отвечает
Тонкий голосок —
Зернышко пшеницы
В старом, семимильном,
Темном сапоге...

На одной стене —
Фамильные портреты.
 Девочка не любит
 Одного из них:
 Девочка не любит,
 Девочка боится
 Этой обезьяны
 В старинном сюртуке.
Хорошо, что рядом,
На другой стене —
Дверь, через которую,
Если что случится,
Можно убежать.

А вечером — болтают под висячей лампой
О странностях болезни,

Что в мире порождает
Безумцев или гениев,
Людей совсем ненужных
И только приносящих
Несчастья другим...

Виолетта слушает...
О ком они вздыхают?
Ведь и у ребенка
Бывают озаренья,
Дальние просветы
Сокровенной памяти,
Спрятанной от всех,
Которым отдаешься,
Пугаясь и надеясь,
Глаза полузакрыв.

«Бедный ангелочек!» — говорила мать
Тем слащавым тоном
Ревнивых матерей,
Которым все яснее,
Что дочка обещает
Красивей стать, чем были
В юности они...

Мечтала Виолетта...
О чем она мечтала?
О молочных ваннах,
О послушных слугах,
О красивых платьях
Цвета свежей крови
И цвета спелой ржи,
О временах прекрасных,
Когда не будет больше
Ни у кого на свете
Никаких отцов.

Тогда в садах тенистых, в аллеях золотых
Будут ей встречаться
Только незнакомцы —
Стройные, высокие,
Для которых будет
Единственной она,
Только незнакомцы —
Гордые, почтительные,
Для которых сразу
Бежать она захочет
От самой себя,
Красивые, влюбленные,
Для которых будет
Не дочерью она...

Мечтала Виолетта...

О чем она мечтала?

О том, чтоб темный узел

Развязать самой.

И — развязала:

Скользкий,

Холодный и живучий,

Внутри зашевелился

Клубок переплетенный

Ядовитых змей.

Течение событий

1938

БЕЗ ВОЗРАСТА

1

Мы приближаемся.

Зовут леса.

Шагайте вдаль по улице зари,

Всходите ввысь по лестницам тумана!

Мы приближаемся.

И сердце всей земли

Сжимается, услышав,

Как мы идем.

Еще осталось день один родить!

2

Все шире небеса.

Довольно!

Мы устали

В руинах снов ютиться, мы устали

Под низенькою тенью обитать

Своей беспомощности и терпенья.

Пусть примет форму наших тел живых

Сама земля, пусть ветер нас охватит,

Пусть ночь и солнце хлынут нам в глаза,
Не ослепляя их.

Ведь наш простор
И чистый воздух могут все восполнить —
Весь тот пробел,
Всю бездну опоздания,
Что между нами вырыла привычка:
Мы к новой памяти вплотную подойдем,
И наши чувства будут нам служить
Всеобщим языком!

3

О мои братья-враги!
Вы, что упорно храните
Врожденную ночь в своих неподвижных зрачках,
Весь ужас ее,—
Вы так и останетесь в ней,
И ваши тяжелые руки по-прежнему будут лежать
В масле ленивом ваших прошедших деяний,
Последней надеждою вашей
Останется смерть.

О мои братья-враги!
Знайте: я к жизни иду,
Чтоб доказать, что храню человеческий облик,
Чтоб доказать, что слагается будущий мир
По мерке моей.

4

И я — не один!
Не один!
Тысячи обликов я порождаю вокруг —
Моих отражений сияющих,
Тысячи взоров
Тело мое окружают предметами мира:

это — ребенок,
это — равнина,
это — скала,
это — лазурь,
это — птица...

И все они смешаны с нами!

Золото громко смеется,
Видя, что бездне больше не служит оно.
Пламя, вода —
Все предстает обнаженным,
И на челе у вселенной затмения стерлась печать!

5

Будут узнаны руки по нашим рукам,
Будут губы сливаться с губами,
Будет первая радость цветенья
В союзе со свежестью крови,
Будет каждая капелька с нами дышать!

И заря,

Через край разливаясь, обильная, будет
На вершине травинки любой золотиться,
На узорчатых мхах,
На краю неприступных снегов,
И на волнах песка —

Всюду будет заря пламенеть!

Это детство вернется, что долго в душе сберегалось,
Незапамятный свет,
Что уже не в пещерах терпенья,
А снаружи,
Вне нас
Разольется по вольной земле!

Н О Я Б Р Ь 1936

Смотрите, как работают на славу
Строители развалин.

Терпеливо

И методично действуют они:
Они порядок любят — свой порядок,
Такой же черный и такой же глупый.
Все делают они, что только могут,
Чтоб одинокими остаться на земле.
Они стоят на грани человека
И нечистотами хотят его засыпать
И светлые дворцы хотят сравнять с землей.

Привыкнуть можно ко всему,
Но только не к этим свинцовым птицам,
Но только не к ненависти, с которой
Все, что сверкает, крушат они,
Но только не к мысли, что можно место
Им уступить!

Говорите о небе!
Пускай опустело оно,
Пускай надвигается осень на землю,
Но сколько б ногою не топали наши враги,
Мы все позабудем:
И эту осень,
И наших былых господ.

Город на убыли.
Жизнь на отливе.
Но из единой спасенной капли,
Можно опять шлифовать алмазы,
Можно опять океан создать!

Мадрид — это город,
Привычный для тех,
Кто долго страдал от чужого богатства,
От ужасающего богатства,
Которому лучше не быть примером
Ни для кого!

Мадрид — это город,
Привычный для тех,
Кто долго страдал от своей нищеты,
От ужасающей нищеты,
Которая здесь так нужна была,
Чтоб ярче сверкало чужое богатство
В чужих домах!

Пусть каждый рот вернется к правде,
Пусть ровное дыхание и улыбка
Соединят разорванную цепь,
Пусть человек, навек освобожденный
От прошлого, нелепого, как бред,
Поднимет к брату ясное лицо,
Лицо, понятное для всех живущих,
И крылья вольные раскинет —
Большие крылья мысли и мечты!

Полнота песни

1939

МЫ СУЩЕСТВУЕМ

Ты видишь вечерний огонь, из раковины выходящий,
Ты видишь лес, погруженный в свежесть,
Ты видишь равнину у края ленивого неба,
Снег, высокий, как море,
И высокое море в лазури.
Прекрасные рощи и камни спешат к нам на помощь!

Ты видишь город в печальной дымке,
Тротуары, на которых звучат извиненья,
Площадь, где одиночеству поставлена статуя
И у любви есть один дом.
Ты видишь зверей, обреченных в жертву друг другу.
Это твои непорочные братья мягко ступают
В кровавой пустыне.

Ты видишь: прекрасный ребенок играет, смеется.
Он меньше, чем самая малая птица
На кончике ветки.

Ты видишь пейзаж. В нем привкус воды или масла.
В нем скалам нет места, и с зеленью мир растается,
Когда лето пышно землю оденет плодами.

Вот женщины из старинных зеркал тихо выходят,
Приносят тебе свою молодость и веру свою в твою веру.

И одна всю прозрачность свою тебе отдает, как парус
тебя увлекает,
И ты видишь украдкой тот мир, в котором ты
не живешь.

Да, жить будет все только с нами:
Зверь, мои золотые знамена,
Равнины, счастливые предсказания,
Насущная зелень, отзывчивые города.

Скоро возглавят их новые люди,
Люди низов — со слезами и потом.
Вижу, как настоящие люди с чувствительным сердцем
Ношу на землю бросают, подобную смерти,
С улыбкой под солнечный шум засыпают.

ВЧЕРАШНИЕ ПОБЕДИТЕЛИ ПОГИБНУТ

•
1

Зубчатые обломки поддерживают тело
Гниющего ягненка.
Цветущие деревья, повешенных качая,
Еще благоухают.
Разгромленного дня шершавые алмазы
Еще не отшлифованы
Затверделой кровью.

2

А разве им хотелось доверху заполнить
Разрытую могилу, обратиться в грязь?

3

Лишь большое пламя дает сегодня всходы
На земле господ.

4

Горькое лицо:
Оно из молока,
Синего, как небо,

Сваренного с медом,
Черным, как ночь.

Бескровное, затравленное, после лихорадки
Застывшее от горя
Горькое лицо.

Оно приоткрывает огромные глаза,
Живые, как надежда, зоркие, как бденье,
Видящие все.

5

Лишь большой огонь дает сегодня всходы
В страдающих глазах.

6

Бдительными быть, властвовать над страхом,
Не бояться гибели,
Чтоб на сердце было хоть чуть-чуть теплей.

7

Но желанья наши
Они не так (о братья!) обжигают нас,
Как пламенные звезды, что движутся вперед,
Захватывая в мире
Все новые просторы
И ужасы ночные оттесняя в ночь.

14 апреля 1938 г.

Открытая книга

1940—1941

ЖИТЬ

У нас обоих руки есть,
И мы их можем дать любому.
Возьмите за руку меня,
И я вас уведу далеко.

Я жил на свете много раз,
Я должен был свое лицо
Менять у каждого порога,
Который я переступал.
И там, за пройденным порогом,
Весна внезапно расцветала,
Рождалась новая семья.

Я для тебя и для себя
Храню вот этот бранный снег —
Свое стареющее тело.
Но в нем не только гибель: в нем —
Залог все новых единений,
Пять гибких пальцев, что, сжимаясь
И разжимаясь,— знак дают.
И время, что во мне живет,
Дает все новые причины,
Чтоб мог я воскресать в другом
И в сердце кровь другого сердца
Нести, беречь, благословлять.

О ясный юноша, каким
Я был и навсегда останусь
Для девушек слепых и слабых,
Чья белизна еще прекрасней,
Чем белокурый, тонкий облик
Луны изношенной...

Дорога...

Она вперед бежит по мхам,
В тени деревьев и туманов,
Среди росы... Она ведет
Сквозь созревающее тело,
Что не поднимется само,
Само не сможет места в мире
Найти себе: дожди и холод,
Снега и ветер долго будут
Его баюкать и учить,
И только лето даст ему
Стать человеком.

Я расту

Сквозь все протянутые руки,
И в этом — подвиг мой. Я строю
Свою изменчивую жизнь
Сквозь все живущее,
Сквозь время,
Сквозь почву и сквозь облака,
Чтоб в них дышать, переходя
От наслажденья к наслажденью,
От буйства к буйству, от надежды
К надежде.

Ибо смерти нет —
Лишь одиночество.

С годами

Уходит жизнь, а я — все молод,
Я жизнью прожитой силен,

И кровь моя встает все выше
Над горькой дряхлостью моей.

У нас обоих руки есть,
Их можно подарить любому,
Их можно горячо сплести
С любимым — знакомым, незнакомым...
Ведь ничего на свете нет
И увлекательней, и чище,
И радостнее, чем людская
Привязанность: она растет,
Как трепетный, высокий лес,
Что землю возвращает небу,
А небо — ночи.

Долгой ночи,
Где зреет бесконечный день!

З В А Т Ь

Становится все проще и яснее
Любое действие. Я опрокинул
Необъяснимые пейзажи лжи,
Пустые жесты и пустые толки,
Обрывки из прочитанного, дни
Бессильные, безрадостные ночи —
Все через край земли я перебросил
И начал звать.

Ведь раньше слишком тихо
Мы говорили, раньше слишком скудно
Писали мы. Я раздвигал границы,
Пока не понял ясно: нет предела
Для зова человеческого. Стало
Простым и четким действие. У смерти
Я отнял тот бесстыдный взгляд на жизнь,
Который право ей давал: всегда
Стоять передо мною. Только зов,
Правдивый зов! И от его дыханья
Уже исчезло столько в этом мире
Ненужного, что больше не исчезнет
Ничто достойное. Я твердо знаю:
Уже поет настойчивое лето
За мерзлыми воротами. Смотри:

Весна и осень, встав лицом к лицу,
Доспехами сверкают, отражаясь
В моем горящем сердце. Времена,
И люди, и созвездья их пылают
И содрогаются во мне, как будто
В моей душе впервые ощутив
Свое родство. И, сбросив все покровы,
Мой зов шагнул еще ступенькой выше,
По лестнице огромной восходя
Растущей радости. От голого огня
Я становлюсь и тверже, и нежнее,
И неустаннее. Так зреет плод.
Его сжигает холод. Леденит
Ночная влага. Но заря восходит
Над щедрой площадью, где спят спокойно
Одни мечтатели.

Давайте ж громче
И громче звать, чтоб лучше им спалось,
Укутанным в слова. Ведь этот сон
И создает прекрасную погоду
Вокруг меня.

Да, я вполне уверен:
И прадед мой, и сын моей любви,
Как плод надкушенный, горячим счастьем
брызнут
От зова моего.

И я — не жду:
Я полон весь высокого исканья.
Я — в поисках того большого зова,
Чье только эхо слабое — мой зов,

БОГИ

Красный гигант и белый гигант —
Наше вино и хлеб,—
Мы сами выращиваем для себя
Этих земных богов.

С О Ю З

Два тонких деревца они.
Совсем одни,
В летучем поле.
Им больше не расстаться никогда.

ПЕРВОЕ МГНОВЕНЬЕ

Между темной моей постелью
И пылающей пеной дня,
Обличающего меня,
Возникает закон жестокий:
Снова двигаться,
Снова жить.

П Р О Х О Д И Т Ь

Гром спрятался за черными руками,

Гром кончил жизнь, повесившись у двери.
Огонь безумцев больше не гоним — а нищ.

Гроза стекает в город, словно в склеп,
Окаймлена дымами, в пепле туч,
И ветер-паралитик сплющил лица.

Свет заморозил лучшие дома,

Свет расколол дубы, моря и камни.
Белье любви распалось на куски.

Дождь опрокинул и цветы и свет,
И птицы с рыбами в грязи перемешались.

Дождь пробежал по всем дорогам крови,
И стер тот знак, который вел живых.

Май, 1940 г.

Поэзия и правда

1942

С В О Б О Д А

На школьных моих тетрадях,
На столе моем, на деревьях,
На песке, на снегу пушистом
Я пишу твое имя.

На всех прочтенных страницах,
На страницах белых и чистых,
Камень, кровь ли, зола ли, бумага,
Я пишу твое имя,

На золоченых картинках,
На оружьи воинов храбрых,
На королевских коронах
Я пишу твое имя.

На джунглях и на пустынях,
На гнездах птиц и на дреке,
На отзвуке моего детства
Я пишу твое имя.

На чудесах полуночных,
На корке насушного хлеба,
На всех временах года
Я пишу твое имя.

На всех лоскутках лазури,
На пруду, где солнце и ряска,
На лунной озерной ряби
Я пишу твое имя.

На полях и на горизонте,
На крыльях птиц перелетных,
На мельнице, мелющей тени,
Я пишу твое имя.

На дуновенье рассвета,
На кораблях, на море,
На горе, помешавшейся с горя,
Я пишу твое имя.

На мху наползающей тучи,
На каплях грядущей бури,
На дожде проливном и скучном
Я пишу твое имя.

На всех искрящихся формах,
На перезвоне всех красок,
На зримой истине мира
Я пишу твое имя.

На тропинках, проснувшихся утром,
На путях и на перепутьях,
На бурлящем разливе улиц
Я пишу твое имя.

На каждой лампе зажженной,
На каждой гаснущей лампе,
На домах, где когда-либо жил я,
Я пишу твое имя.

На двух половинках плода —
На спальне, продолженной в зеркале,
На кровати — пустой ракушке
Я пишу твоё имя.

На мой собаке-сластене,
На ушах её теплых, торчащих,
На лапах её неуклюжих
Я пишу твоё имя.

На пороге входной моей двери,
На вещах простых и привычных,
На дыханье огня животворном
Я пишу твоё имя.

На теле, что мне отдается,
На лицах друзей моих верных,
На каждой руке открытой
Я пишу твоё имя.

На хрупком стекле событий,
На губах внимательных, чутких,
Над молчаньем, высоко над молчаньем
Я пишу твоё имя.

На укрытьях моих разоренных,
На моих маяках разбитых,
На стенах тоски и отчаянья
Я пишу твоё имя.

На разлуке, без мысли о встрече,
На одиночестве голом,
На ступенях, к смерти ведущих,
Я пишу твоё имя.

На здоровье, вернувшемся снова,
На опасности миновавшей,
На надежде без воспоминанья
Я пишу твое имя.

И силой единого слова
Я вновь возвращаюсь к жизни,
Я рожден, чтоб узнать тебя,
Чтоб назвать тебя,
Свобода!

Т Е Р П Е Н И Е

О ты, терпение мое, родное, верное мое —
Высоко поднятая грудь, *огромной полночи оргán.
Но твой изысканный поклон скрывает небо от меня,
Готовь же мщению постель, где вновь родиться я смогу!

С К О Р О

Из всех возможных весен мира,
Должно быть, эта — самая плохая.
Зато из всех моих привычек жить
Я выбрал лучшую: доверье.

Трава упрямо поднимает снег,
Как обветшалую плиту могилы.
Я сплю в глубокой буре
И просыпаюсь с ясными глазами.

Иссякло медленное, маленькое время,
Когда должна была вся улица пройти
Сквозь грудь,
Сквозь сокровенное мое,
Чтоб мог я в жизни хоть кого-то встретить.

Я чудищ даже слушать не хочу.
Я знаю их, они мне все сказали.
Я вижу только сотни добрых лиц,
Красивых лиц, уверенных в себе

И в том, что скоро гибель господам.

З А Т Е М Н Е Н И Е

Что делать, город шторы опускал,
Что делать, был оцеплен весь квартал,
Что делать, часовой у входа стал,
Что делать, город до смерти устал,
Что делать, старый город голодал,
Что делать, враг оружие отобрал,
Что делать, ночью, среди этой тьмы,
Что делать, в эту ночь любили мы!

Ч А С Ы О С Т А Н О В И Л И С Ь

Огромной важности слова сказаны тихо.
Огромное солнце, закрытые ставни,
Огромный корабль плывет по теченью,
Его паруса раздвинули ветер...

Рот красиво очерчен, чтобы скрыть
Выраженье другого лица и клятву,
Только в два голоса говорить
О тайне, которая ночь упраздняет.

Одна и та же мечта у невинных,
И тот же шепот, и то же утро,
И все времена года в полном согласье
В два цвета окрашены: снег и огонь!

И толпа наконец собралась.

ВЫМУШТРОВАН ГОЛОДОМ
РЕБЕНОК

Вымуштрован голодом ребенок,
У него на все — один ответ: «Я ем».
«Ты играешь?» — «Я ем».
«Ты заснул?» — «Я ем».

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

1

О, этот маленький мирок убийц —
Он весь на невинного направлен,
Он отнимает куртку его
И башмаки,
Он отнимает хлеб изо рта,
Слезы из глаз,
Он отнимает время его
И сыновей,
Он пожирает кровлю его
Жадным огнем.

О, этот маленький мирок убийц —
Он перемешивает с мертвыми живых,
Он обеляет грязь,
Прощает палачей,
Он превращает лучшие слова
В никчемный шум.

2

Спасибо, полночь!
Двенадцать ружей возвратят покой
Невинному. И пусть придут друзья

Похоронить израненное тело
И черноту небес его. И пусть
Они поймут, как слабы и как слепы
Его убийцы.

3

Это они
Пальцами тянутся к нашему горлу.
Это они
Нам сгорбили спины трудом непосильным.
Это они
Череп свинцом продырявят любому.
Это они
Сделали так, чтобы люди страдали всю жизнь,
Чтоб заработать
Смерть.

4

О красота!
Для счастливых ведь создана ты,
Но посмотри: перед гибелью ты, красота.

Руки твои,
На коленях скрещенные руки,
Стали орудьем для этих проворных убийц.

Губы твои
Не наполнены прежним напевом —
Это стучит деревянная чашка слепца.

Груды твои,
Материнские чистые чаши,
Грудями шлюхи продажными стали теперь.

Бедняки свой хлеб собирали
 Возле сточной гнилой канавы.
 Их глаза поднимались к свету
 И уже не боялись ночи.

Были слабы они, как дети,
 Но от слабости — улыбались.
 Только гнулись худые плечи,
 Погружаясь в свои же тени.

Слишком долго они скитались
 По извилистому страданию,
 Но зато научились в горе
 И без слов понимать друг друга,
 И, собравшись на полдороге,
 Говорили они негромко
 О своей старинной надежде,
 Как рука тишины, огромной...

Я слышал, как они считали
 Очень тихо и очень внятно,
 Сколько будет осенних листьев,
 Если в тысячи раз умножить.
 Я слышал, как они считали
 Очень тихо и очень внятно,
 Сколько будет грядущей силы,
 Если в тысячи раз умножить!

Я родился за горестным фасадом.
 Я ел, смеялся, я мечтал,
 Мне было стыдно,
 Я жил, как тень...
 И все же солнце я воспеть сумел —
 Большое солнце, что горит и дышит

В груди у каждого, у каждого в глазах,
Ту капельку наивной влаги,
Что на ресницах после слез дрожит.

7

Мы бросаем в пламя вязанку мрака,
Мы ломаем заржавленные засовы.
Ибо люди придут, я знаю,
Что самих себя не боятся,
Потому что открыто верят
Всем на свете.
Потому что враг с лицом человеческим
С лица земли исчезает.

Лицом к лицу с немцами
1942—1945

ИЗВЕЩЕНИЕ

Была предсмертной эта ночь,
Была короче всех других,
И мысль, что он еще живет,
Сжигала кровь его огнем.
Его душила тяжесть плеч,
И сила мучила его.
И вдруг на дне крошечных мук
Он улыбнулся.
Он здесь один, с ним друга нет,
Но миллионы отомстят
За смерть его.

Он это знал.

Ему рассвет принадлежал.

МУЖЕСТВО

Как холодно, как голодно в Париже.
На улицах не продают каштанов.
Париж, одетый в жалкие лохмотья,
В подземке душной засыпает стоя.
Беда бредет по улицам любимым,
Но мудрость и безумие Парижа,
Несчастливого, плененного Парижа,
Остались в красоте его печальной,
Остались в добром, непреклонном сердце
Его изголодавшихся рабочих.
Не плачь, Париж, и не зови на помощь.
Сейчас живешь ты беспримерной жизнью —
За бедною твоею наготою,
За худобой и бледностью твоею,
В глазах запавших светит человечность.
О мой Париж, о мой прекрасный город,
Ты, как игла, остер, упруг, как шпага,
И, сочетая мудрость с простодушьем,
Не в силах пережить несправедливость.
Ты принесешь себе освобожденье,
О мой Париж, мерцающий звездой,
Звезда неугасающей надежды,
Париж, ты сбросишь темные лохмотья.

Мы будем, будем мужественны, братья,
Мы, все кто видит мир не из-под каски,
Все, кто сапог подкованных не носит,—
В крови у нас воспрянул луч надежды,
Он путь наш новым светом освещает.
Мы боремся! Пусть лучшие погибли,
Их кровь течет сегодня в нашем сердце.
Светает. Снова утро над Парижем,
Как робкое начало избавленья.
Весенний ветер легким дуновеньем
Приводит в дрожь тупую вражью силу.
Рабы не мы, а те, кто против нас,
Хотя они еще не понимают
Позора своего. И если это
Они понять сумеют, то восстанут.

ДЕБЕТ И КРЕДИТ ВРАГА

Вопли «Хайлы!» учиняют расправу над достоинством
нашим.

Сапоги учиняют расправу над улицей наших прогулок.

Дураки учиняют расправу над нашей мечтою.

Подлецы учиняют расправу над нашей свободой.

Над детьми учиняет расправу голод.

Смотри же, мой брат, как над братом твоим учиняют
расправу.

Как свинец учиняет расправу над самым прекрасным
лицом,

А злоба — над мукою нашей.

И к нам возвращаются силы.

Мы расправу над злом учиним!

„НЕКОТОРЫЕ ФРАНЦУЗСКИЕ
ИНТЕЛЛИГЕНТЫ СЛУЖИЛИ ВРАГУ“

Страшили нас — и устрашились сами.
И пробил час их перечесть.
Конец их царства наступает.

Они превозносили палачей,
Они нас злом, как грязью, облепили,
Они ни разу не сказали правды.

Прекрасные слова о единенье
Прикосновением загадили своим,
Их рот распахнут прямо в смерть.

Но вот сейчас пора настала
Объединиться и любить,
Чтоб их сломить и наказать.

* * *

Во имя мыслей всех твоих,
Во имя глаз, любимых глаз,
И губ твоих, что целовал
Вчера, сегодня и всегда,

Во имя умерших надежд,
Во имя слез в крошечной тьме,
И жалких жалоб в пустоте,
Во имя смеха в смертный час,

Во имя смеха площадей,
Во имя силы нежных ласк,
Цветов и налитых плодов
На доброй матери-земле,

Во имя узников-мужчин
И женщин, сосланных врагом,
Во имя друга, что убит
За то, что делу верен был,
За то, что тьмы не принимал,—

Должны мы гневу волю дать,
Должны оружие поднять,
Чтоб образ горестный вернуть
Невинно павших в битве жертв,—
Восторжествует всюду он.

КРИТИКА ПОЭЗИИ

Огнем разбужен лес:
Стволы, сердца, листва и руки.
Счастье — в одном букете,
Смутном, легком, расплывчатом и сладком.
Это —

 необозримый лес друзей,
Собравшихся, где расплескалась зелень,
Где солнце и горящая трава.

Гарсиа Лорка был казнен.

Одно лишь слово — но оно как дом,
И губы, слившиеся, чтобы жить,
И маленький ребенок — он не плачет,
В его зрачках — двух капельках воды —
Свет новых дней.
За каплей капля он наполняет Человека
До самых прозрачных век.

Жан-Поль Ру был казнен,
Дочь его — убита.

Город изо льда, холодные углы похожи друг на друга,
Я в нем мечтаю о плодах в цвету,

О небе необъятном, о земле,
Как будто о прекрасных девах, вдруг открытых
В игре, которой нет конца.
Увядший камень, стены с мертвым эхом,
Моя улыбка отмечает вас.

Декур был казнен.

Так чем же они владели?
Одной только ночью, смертью
Да тенью — изящной тенью,
Что на других ложилась несчастьем и нищетой.

Мы их навсегда забудем — этих тупых врагов.

И скоро толпа большая
Вполголоса повторит:
Это живое пламя — только для нас двсих.
Для нас, терпеливых, всюду
Сиять это пламя будет,
И только живых объяття останутся на земле.

ENTERRAR Y CALLAR¹

Эта заря принадлежит вам, братья!
Заря, прильнувшая к земле.
Последняя ваша заря.
Вы тянетесь к ней всем телом.
Братья, эта заря принадлежит вам,
Сияя над бездной наших скорбей.

Силой сердца и силой ненависти
Мы хотим обратиться к вам, братья!
Мы надеемся увековечить
Ту зарю, которую отделила
Ваша белизна от могильного мрака,
Отчаявшиеся, исполненные надежд!

Ненависть, вздымающаяся из земли,
В единоборстве с любовью,
Ненависть, поверженная в прах,
Когда она достойна любви!
Любовь, побеждающая на рассвете:
Нельзя на земле истребить надежду!

¹ Прохоронить и молчать (*исп.*).

О Р У Ж И Е Г О Р Я

Отцу

Человек из Развалин,
Человек в продырявленной шляпе
И с глазницами впавшими,
В черном огне,
Человек в пустом небе,
Ворон столетний,
Ты мечтал быть счастливым.

Человек из Развалин,
Сын твой мертв,
Убит.

Воплощение Ненависти,
Жертва жестокая,
Мой товарищ в двух войнах,
Жизни наши искромсаны,
Кровоточащи и безобразны,
Но клянемся мы
Взяться за нож.

Ты — Надежда,
Надежда всеобщая,
Всюду — ты.

Он правду — свой высший закон —
Как шпагу,
Навел
На врагов.
И они отомстили ему:
То смертью пугали,
То надеждой манили,
Помиловали его —
И тут же убили.

Они ему
Руки и ноги сломали.
Так кладбищенский сторож сказал.

*

Одна лишь страсть, одна лишь мысль —
Оружье горя держат.

*

Отечество их может стать
Страной безоблачных чудес,
Страной Невинности.

*

Не покоряться — долг людей,
Ведь небо — так же для людей,
Как щедрая земля.

Внутри созревшего плода,
Как сердце, — солнце для людей.
Все солнце — для людей,

Все люди — тоже для людей,
И время — тоже для людей,
И счастье — в них самих.

Я говорю — что вижу я,
 Что знаю я,
 Что — правда.
 Борцы проходят сквозь огонь,
 И мир несут они земле —
 Рабочие, крестьяне.
 Борцы рассеялись в толпе,
 Они умны и нанесут
 Отличнейший удар.
 Они — как чистые ручьи
 На высыхающих полях.
 Ожесточенным бьют крылом,
 Чтоб с неба навсегда стереть
 Все заклинанья палачей,
 Пророчащих
 Конец земли.

И ненависти вопреки,
 Согласно жизни и любви
 И слову всех простых людей,
 Согласно страсти побеждать,—
 Они хотят исправить зло,
 Которое причинено
 Народу.

Сердца их бьются в такт с моим.
 О смерти думает один,
 Другой не думает о ней,
 Пусть спит один, не спит другой —
 У них у всех одна мечта —
 Освобожденье.

Любовь из них — тень всех.

Кто мрачен, кто с рожденья гол,
Поют добро, кромсают зло,
Стремясь свести его на нет,
Поют, как будто ввысь летят.

Мечтанья тысяч — вот их путь,
И тысячью простых дорог
Они выходят в свой народ,
Народ же входит прямо в них.

В крови их — воздуха полет.

УБИВАТЬ

В эту ночь над Парижем —
Странный мир:
Тишина слепых глаз,
Сновидений бесцветных,
Стучащихся в стены,
Тишина рук ненужных,
И лбов, обесмысленных сном,
И мужчин отошедших,
И женщин прошедших —
Бледных, и без тепла, и без слез.
В эту ночь над Парижем
И над добрым сердцем его —
В тишине —
Странный мир.
Мщенье глухо мерцает,
Оно справедливо и свято:
Это смерть идет
 на палачей,
Смерть — на смерть.

ГЛУПЫЕ И ЗЛОБНЫЕ

Идут и идут,
Изнутри ползут —
Это наши враги,
И лезут снаружи —
Это наши враги.
Спускаются с гор,
Выползают из нор,
Справа и слева —
Идут и идут,
Вблизи и вдали —
Идут и идут.
В серой одежде,
В зеленой одежде,
В мундирах коротких
И в длинных шинелях,
С кривыми крестами —
Идут и идут.
Идут со штыками,
Играют ножами,
Идут — и гордятся
Своими шпиками

И палачами —
И в ранцах
Свой завтрашний траур
Несут.
Идут и идут.
Оружьем бряцают,
Словно своими костями бряцают.
И застывают,
Честь отдавая
Погонщикам стада.
Пропитаны пивом,
Пропитаны бредом,
Идут и идут,
Идут и поют
Проклятую песню
Кованых грязных
Солдатских сапог.
Идут — и не знают
О том, что на свете
Есть радость любви.
И стоит им только
Вымолвить: «Да», —
Тотчас в ответ
Слышится: «Нет!»
Стоит о золоте
Речь завести —
Им отвечает свинец.
Но золотом чистым
Мир заблестит
В день, когда мы
Вышвырнем их.
Пусть убираются,
Пусть умирают —
Нам больше от них
Ничего не надо!

*

Мы любим людей —
Враги убегут.
Это будет нашей заботой
В то утро славы
Над новым миром,
Над миром с лица —
Не с изнанки.

ТОЙ, О КОТОРОЙ ОНИ МЕЧТАЮТ

Девятьсот тысяч пленных,
Пятьсот тысяч политических,
Один миллион — на каторжных работах.

Владычица их сна,
Владычица мечтаний,
Дай силу их сердцам,
Дай мужество и веру,
О счастье быть живыми
Напомни им опять.

Даруй им в этой тьме,
Глухой и непроглядной,
Дыхание любви,
Любви и сострадания
И горечь всех мучений
Забуть им помощи.

Владычица их сна —
Их мать, сестра, невеста,
Приникни к ним опять,
Прильни своею грудью,
Что влагой поцелуев
Пронизана до дна.

Позволь увидеть им
Страну свою родную,
Какой они всегда
В мечтах ее ласкали,—
Родную до безумья,
Любимую страну.

Страну, где все поет —
Вино и вдохновенье,
Где жатвы хороши
Извечной добротою
И не найти на свете
Лукавей детворы.

Где даже старики
Прекраснее и тоньше,
Чем в белых лепестках
Фруктовые деревья,
Где с женщинами можно
Не только говорить.

Девятьсот тысяч пленных,
Пятьсот тысяч политических,
Один миллион — на каторжных работах.

Владычица их сна,
Ты к ним явись неожиданно
Сквозь черный снег ночей
И белизну бессонниц,
Сквозь тусклое свеченье
Бескровного огня.

Ты к ним зарей явись,
Держа свой белый посох,
Ты дай увидеть им
За их тюрьмой дощатой
И новые рассветы
И новые пути.

Они должны платить
Неслыханную цену,
Чтоб до конца познать,
Какое зло страшнее,
И все же не погибнуть
Под натиском его.

Им тысячи невзгод
Сердца изрешетили,
Изранены они,
Но в этой тьме кромешной
Должны не только выжить,
А пережить себя.

Владычица их сна,
Владычица покоя,
Владычица их грез
И новых пробуждений,
Отныне и навеки
Свободу им даруй!

А нам позор оставь,
Позор неизгладимый
За то, что мы посмели
Поверить в свой позор!

Сладко жить. Больно знать,
Что братья наши погибли ради нашей свободы,
Ведь мы живем и рожаем жизнь — и это наш закон!
Наконец приходит ночь, наконец мы у зеркала
сновидений,

Наконец приходит полночь, венец ночи.

Сладостно и печально знать, что все мы вместе

Сегодня устроили эту ночь.

ГАБРИЭЛЬ ПЕРИ

Погиб человек, у которого не было для защиты
Ничего, кроме рук, раскрытых жизни навстречу.
Погиб человек, который только одну знал дорогу —
Ту, где ружья всем ненавистны.
Погиб человек, который борьбу продолжает
Против смерти, против забвенья.

Потому что все то, чего он хотел,
Мы этого тоже хотели,
И сегодня хотим того же,—
Чтобы счастье сделалось светом
В глубине глаз, в глубине сердца
И справедливостью на земле.

Есть слова, что жить помогают,
И эти слова невинны:
Слово «тепло» и слово «доверье»,
«Любовь», «справедливость», «свобода»,
Слова «ребенок» и «доброта»,
И некоторые названья цветов и плодов,
Слово «мужество» и слово «открыть»,
Слово «брат» и слово «товарищ»,
И некоторые названья стран, деревень,
И некоторые имена друзей и женщин.

Мы их помним всегда.

Запомним имя: Пери.

Он погиб за то, что дает нам жить.

Будем говорить ему «ты»,

Грудь его пулей пробита,

В смерти его мы друг друга лучше узнали.

Будем говорить ему «ты»: его надежда — жива!

Рядом со мною она была,
Словно защита от пустыни,
Словно защита от несправедливости.

Неправда везде бушевала,
Одинокой недоброй звездой висела в небе,
В тучном и черном небе...
Неправда над невинными бушевала,
Над героями, над безрассудными —
Над теми, кто будет однажды царствовать на земле,--

Потому что я слышал, как смеялись они,
Залитые кровью, прекрасные,
В нищете и под пыткой.
Это смех дней грядущих,
Когда будут смеяться живя и рождаться смеясь.

РАДИ ЛЮДЕЙ

*Посвящаю памяти полковника Фа-
бьен и Лорану Казанова, который
так хорошо говорил мне о нем*

Убит человек.
Он был когда-то ребенком...
На большой картине —
Крови пятно,
Как солнце заката.
Венок для него сплели
Руки детей и женщин.
Он был Человек. Он умер
За наше бессмертье.

Он пал.
И сердце его опустело.
Мертва голова.
Опустели глаза.
Руки раскрылись
Без стога, без жалоб.
Потому что он верил в счастье
Людей.
Потому что он повторял
На все голоса —

Повторял и не повторялся:

«Я люблю тебя».

Он говорил это ей —

Той, что была его матерью и защитой,

Соучастницей и союзницей,—

Жизни.

И уходил на бой

Против тех, кто тиранит людей,

И ему ненавистна была даже мысль,

Что на свете могут жить палачи.

Даже в самые трудные дни

Он лелеял веру и му́ку свою.

От рожденья он жизнь любил.

Он не умел по-другому...

Жизнь — это мужества пыл,

Жизнь — величье народа.

«Я люблю тебя» — эти слова

Для него обернулись бедой.

Но он не умел по-другому:

Он жизнь утверждал.

«Я люблю тебя» — это Испания,

Что боролась за солнце,

Это предместья Парижа,

Знакомые с детства тропинки,

И приветливый взгляд ребенка,

И это — первый выстрел

По солдатам зла,

По отвратительной смерти.

«Я люблю тебя» — это первый

Свет, возникший в ночи несчастных,

Свет, всегда первый, прекрасный,

Свет человеческой дружбы,

Хоровод, где смех и веселье
Все живее, все шире, все громче.
«Я люблю тебя» — это зерно,
И ростки, и цветок, и плод,
И новые зерна.
«Я люблю тебя» — эти слова
Обернутся великим счастьем
Для идущих в завтра людей.

ПРОДАВЦЫ. ИНДУЛЬГЕНЦИЙ

Кто зло забыл во имя доброты,
В ком сердца нет, нас учат всепрощенью!
Преступники для них необходимы,
Им кажется: чтоб мир построить, надо
Всего на свете понемножку взять.

*

Слушайте проповедь их,
Они проповедуют громко,
Никто не посмеет больше
Заставить их замолчать.
У них — и права, и власть,
И веские аргументы.
Слушайте этот странный
Отзвук вчерашних дней:

*«Пусть они сопротивлялись —
Всё равно теперь союются,
Ведь на то и генералы,
И один другого стоит.
А французы, что в зеленом, —
Тожe brave солдаты,*

*И хорошие орудья
Тоже могут пригодиться.
Не беда, что было много
Подчиненных и рабов —
Тем достойней уваженья
Их вчерашний господин!..»*

*

Женщины Освенцима, еврейские малютки,
Гордые заложники, бойцы Сопротивленья —
Разве знать могли они, каким жестоким чудом
Им потом покажется такое милосердьё!

*

Из всех камней нет камня драгоценней,
Чем горький сплав возмездья и мечты.

Из всех небес нет неба горячее,
Чем на заре, когда предатель мертв.

И все ж не будет на земле спасенья,
Пока прощать мы смеем палачам.

N O S U N I R E M O S ¹

Мы — одни. Наши братья, дети —
все разрознены в этом мире.
Но когда-нибудь между всеми
мы разделим грядущий день,
Ибо доблести человека
много больше, чем человек.

До сих пор нам казалось долгом
умирать легко и бесцельно —
Мы забудем об этом долге,
мы научимся долго жить,
Мы сумеем огонь надежды
даже с прахом своим смешать!

Морда зверя бывает чистой
лишь до первой его добычи,
Лишь покуда он не коснется
наших чистых, чутких сердец
И затравленную планету
не обдаст дуновеньем зла.

¹ Мы. объединимся (исп.).

Мы страдаем под плугом ветра,
в тесноте побежденной плоти,
Мы страдаем на общем поле,
в темных бороздах наших дней,
Но вовеки непобедимым
остается великий свет.

Это — облако нашей нивы,
это — новая жатва мира,
Что сердца покоряет наши,
воедино сплавляя нас,
Чтобы наших больших желаний
совершенство познали мы.

Наши щедрые руки смогут
все, что надо им, получить!

О Б О Д Н О Й П О Б Е Д Е

Странными кажутся нам города,
В которые мы вступаем,
Странными кажутся нам бойцы,
Которых мы победили.

Люди — такие же, как и мы,—
Против людей восстали:
Весь мир измученный на замок
Они запереть решили.

Мы насмотрелись на них давно,
На них и на их величье,
На глупость их, на здоровье их,
На страхи их и на злобу.

И на увенчанных тенью вождей,
Не видевших в ослепленье,
Что жертвы — в тысячу раз сильней
Всей их железной силы.

Эти спесивые мертвецы
Мнили себя живыми,
Как обезумевший человек
Ребенком себя считает.

Эти веселые мертвецы
Желали могил повсюду —
И сами ринулись отступать,
Лишь бы поспеть за смертью.

Странными кажутся нам бойцы,
Которых мы победили:
Как опрометчиво шли они
Против всего народа,

Против бессмертной надежды шли,
Против большой надежды,
Что землю от ненависти и зла
Освободит навеки.

РОЖДЕСТВО.
У О Б В И Н Я Е М Ы Х Н Ю Р Н Б Е Р Г А — К А Н И К У Л Ы

„Перед трибуналом для несовершеннолетних проходит по пять девушек в час“.

(Из газет, декабрь 1945)

Весь мир кругом заледенел.
Наш добрый дом пришел в упадок.
Он весь — от погреба до флага,
Он весь — от родника до птицы,
От самой глубины теней
До самого большого солнца —
Разбит, растоптан, осквернен.

И вечер, бесконечный вечер
Над нами тяжело навис,
И лишь покинутые руки,
И опаленные улыбки,
Да с грязью смешанные слезы
Видны вокруг.

Ведь столько лет
Невинных, как зверей, травили,
Искали непокорных глаз,
Что видеть и во тьме умели,
Искали — чтобы вырвать их.

И вот на призрачных руинах,
На скорби, пригвожденной к сердцу,
Воссели будничные судьи
И начали свой суд.

Они —

Как на подбор — из тех отменных,
Которых лишь глупцы боятся,
Которые одних безумцев
Заставить могут присягать.

Но это — знатоки морали,
Утонченные знатоки,
Они сидят, считая жертвы:
Сначала по одной, а после —
Миллионами.

Немало жертв,
А впрочем, больше барышей.

Ведь жертвы многого не стоят,
Зато весомы барыши.

Им нужно оттянуть развязку
И время выиграть.

Забвенье

Само со временем придет,
И пыль покроет беспорядок --
Так им диктует осторожность:
Ведь эту цепь, еще живую,
Опасно было бы порвать,
Тем более, что могут быть
И пострашнее преступленья.

Так вот они — благие судьи,
Что жизнь убийц продлить хотят!

Постель, стол

1944

* * *

В зарослях звери — как дома.
В битве звери звереют.

В поле земля прекрасна.
В яме земля безобразна.

В саду побеждает счастье.
В пустыне — раздолье для смерти.

В ночи человек закован.
В ночи он ломает цепи.

В ночь он готовит утро.

С Т О В О Й

Я улицу взял в руку, как стакан,
Наполненный волшебным светом,
И легкими словами,
И беспричинным смехом,—
Он всех плодов земли прекрасней.

По улице гуляют игрушечные люди.
Летают птицы в синей пустоте.
И девочка худая с бледным
И вечно озабоченным лицом
По улице идет.

Из древних сказок девочка — она
Моим мечтам живое оправданье.
И, повинувшись моему желанью,
Далекий отблеск детства моего
На золотую улицу ложится.

Б Е З Т Е Б Я

Солнце полей загнивает и меркнет,
Солнце лесов засыпает вдали.
Небо живое в глазах исчезает,
И тяжелеет вечерняя мгла.

Птицам известна прямая дорога
Средь обнаженных и редких ветвей.
Знаю: концом наступающей ночи
Будет моя бесконечная ночь.

Нет ни бессонницы, ни сновидений
В этой зияющей ночи ночей.
Холод, сковавший бездушную землю,
Снизу на тонкие лозы дохнет.

И неподвижности нет неподвижной,
И молчаливей молчания нет.
Близится это враждебное чудо,
Что меж людьми называется: смерть.

Ночь — и ни проблеска воспоминаний,
Ночь безвозвратная, ночь без тебя,
Ночь, что готова к приходу лк-бого,
Ночь — и не чья-нибудь, только моя.

Ночь, что настанет к концу этой ночи...
Я это знаю и этого жду:
Если надежд никаких не осталось,
Значит, и нечем уже рисковать!

1946-1951

Неумолчная поэзия 1946

НЕУМОЛЧНАЯ ПОЭЗИЯ

...Я проявляю известную ловкость, влагая идеи свои в уста мечтателя: порою не грех придать мудрости облик безумия, чтобы сделать ее доступной всем. Пусть лучше скажут: „А ведь это не столь бессмысленно, как может показаться на первый взгляд“, чем: „Послушайте-ка, что за разумные вещи он излагает!“

Дидро. (Из писем к Софи Воллан)

Там тысячи усталых стен
Домов, принадлежащих нам.
Строений бесконечный кряж.
Там дремлют волны черепиц,

Преображенных солнцем дня,
Несущих тени птичьих стай,
Как рыбу плоть несет вода.

Там все труды облегчены
И вещи обласкали нам
Ладонь обетованных слов.
Жизнь отверзает все глаза,
Бежит по телу счастья дрожь.
Как перлы полдня, шелест лип,
Как рокот световой волны.

Там вижу все — вблизи, вдали.
В пространство я бросаюсь там:
Мои трамплины — день и ночь,
Там в целостный вхожу я мир,
Чтобы обнять любой предмет,
Мгновенье, вечность. Только там
Себе подобных нахожу,

Я говорю о днях, когда
Умрет последний на земле
Могильщик разума. Когда
Свобода убедит людей.
Исчезнет пред грядущим страх,
Не распадется в прах мечта,
Надежде тщетной не бывать.

Хочу себе трудней придумать испытанье,
Чем видеть мир в мечтах — каким бы мог он быть!
В конкретность времени уверовать хочу я
И, уходя отсель в места совсем иные,
Для человека дверь пошире приоткрыть.

Нам нужно воспринять язык в его среде,
Уравновесить въявь вопрос и отзвук эха,
И отразится пусть прозрачный некий образ
В слиянье, в фокусе и в сердце панорамы.

Вот сердца кровь, и смысл, и совесть наших дней,
Бумаги на столе,— и все же — прочь отсюда:
Одним прыжком — в толпу, в людскую толчею,
С дыханьем чистоты смешаю слово брата,
С порывом всех стихий, с началом всех начал!
Хочу услышать рост колосьев всей вселенной.

Во мне высокое чутье огня и, ливня,
Я сеятель земной, я возвратил лучу
Густое млеко дней, обильных чудесами;
Я поглощаю твердь, питаю блеск небес.
И все ж меня страшит немая тень молчанья.

Твержу я имена камней, и трав, и звезд,
В них жизнь отражена, капризная донельзя,
Орленка нежный пух, орла гранитный рост.
Лиана слабая цемент ограды гложет.

Рулады соловья разоблачают ночь.

Лесною просекой пространство расколосось,
Срастаясь кронами, ползет на отдых лес,
По рытвинам летит мой возрожденный голос,
Мы платье сбросили,— так топь теряет вес.

Моря пустынны. День забрезжил над землей.

С победной ставкою в ристалищах азарта!
Живой цветок — фермент моих болтливых дум.
Недвижны времена, когда сверкает шум
И преображена зари цветная карта.

Вселенную хочу я сердцем поверять.

Я слышу стук его в чужих сердцебиеньях,
Шажок, еще шажок — дороге нет конца!
Пусть бестия свои оттачивает жесты:
Давно утратил я необходимость их.

Дремота стелет мне: я отдохнуть прилег.

Я знаю только то, что смерть недолговечна,
Ежевечерне я хотел бы с жизнью спать,
Ежевечерне я пытаюсь смерть поправить.
Зима. Забвенье. Сон. Жизнь зеленеет вечно.

Не видел смерть свою. Ведь смертные живут.

Я говорю с людьми, я испытал пространство,
Я время разделил, себя ему принес.
Я спутал все цвета рассветов, глаз и роз,
Я неразрывностей прославил постоянство.

Существованье. В нем — черты любимых мной.

Вам ясен мой секрет: любимое — живет
В единстве нежности, опасности и скорби.
Страшиться темноты? Но скрытой темноте
Не исказить моих младенческих желаний!

Где б ни был я — люблю того, кем я любим.

Я вижу без очков, и я понятен людям,
Пока любовь несет пыльцу цветов, пыльцу
Людских тревог. Впиваю ласку ближних.
Да оживит меня прилив природных сил!

Я сотворен, творю,— вот правда равновесья,
Вот справедливости единственный закон.

Войди ко мне, войди, мое здоровье,
Войди ко мне, как жажда жизнью всех,
Не сомневайся, будь весельем и любовью,
Я слез не подарю,— к лицу нам только смех!
Войди ко мне скорей, войди ко мне, любя,
И озарением я назову тебя.

Войди ко мне и ты, войди, мое мученье!
Забудем горести. Опишем сытость мук.
Войди ко мне, прожорливость утраты.
Зеленый виноград оскому набивает.
И мужество мое, явись ко мне. В предгрозые
Грядущее с тобой мы будем собирать!

Быть может, говорю я только смеха ради,
Но говорю тебе, моей большой отраде,
Я, восприяв тебя, твой образ воплотил,
Кров и постель тебе я предложил отныне,
И я уже лежу в лесах и на равнине,
Готов тебя изъять из рук волны морской!

Войди в меня, войди бесчисленностью множеств,
Я твой, я блеск твоих зеркальных амальгам,
Ты — мой прообраз.
Сети улиц наших
Сквозь города плывут в поля и нивы
И движутся — с зарей, с любовью, с жизнью.

Войди в меня, войди — ты лучше всех,
Всегда моим желаниям подобна,
Спокойна в бесконечности терзаний,
С поникшими пустыми парусами,
С наполненными ветром парусами,

Пронизанная полночью и светом!
Впитавшая молчания и грозы!

Всегда мечтала ты о тихом доме,
А ныне от мечты освободилась;
Мой дом — его тебе я подарил,
Пример другим, фасад, открытый взорам,—
Но он годится только для ухода:
Мечтаем о другом — во мгле столетий.

Мгновеньем пленены и вызволены вновь,
Мгновеньем любящих, которые пройдут
По тем мостам, где мы когда-то шли,
Друг друга не узнав еще. Грядущим
Они разделены еще. Но губы
Их словно шепчут: «Полюблю тебя»,
А пальцы их — предчувствие пожатья.

Так приди ко мне, моя ленивица, моя сонливица,
Ничего от тебя не таю,
Уважаю мудрость твою,
Всех познаний свет на твоём виске,
Все на грифельной напишу доске,
Все, как юностью старость счастливится!

А ведь не все было так просто, так весело!

Вчера,— нет, не вчера — давным-давно,—
Я был рожден в оковах,
Я был рожден для поражения.

Лишь вчера, совсем недавно,
Я лежал в трепетных объятьях
Небогатого и нежного семейства.
Рождаясь, мы не приобретали ровно ничего!

В моей семье говорили тихо, понимали тугу,
Моя семья — порожденье забвенья,
Тени, не ведающей отраженья.

В семье меня любили — но
Я вовсе не был им под стать,
Под стать я не был и себе,
Я только детством дорожил.

И в душной комнате моей,
Закрытой для тревожных игр,
Мечтал об окнах в гневный мир!

И я смеялся, я вопил,
Чуть солнце не расплавил я,
И так рыдал, что вся земля
Могла бы смехом изойти!

Мне оскорбленье нанесли
Потом. И я порочным стал
В кругу чудовищ и страстей.

Прильнуло золото к сукну,
В прудах алмазных — рыба слизь,
Раздумьям приходил конец,
Поэтов убивал свинец.

Двадцатилетним на войну
Пошел я. Нашим господам
Кровь юности нужна была!

Как я наивен был, себя не защищая,
Я не противился, удары принимая,
И смертным был, как все, я был, как все, — раним;
Снаряды выли, — синь была мишенью им!

А с женщинами я порой терял терпенье,
С цветами увядал, с плодами — знал гниенье,
Я познавал закон благоуханных мук,
Но ярость гневная в меня вселялась вдруг!

О, как бы истерзал я лапою когтистой
Тупых самцов, коленопреклоненных баб!
Как раздражал меня всегда поникший раб,
Как раздражал малыш — такой смешной и чистый!

К звездам ввысь, насилье, мчись,
Добродетелям не учись,
В себялюбье сгнили они!
Голова моя обнажилась:
Я не мог бы статую изваять,
Или только в мечтах такой представлять,
Чтобы в космос она не вместилась!

Зелень морской волны,
Сны лесов и зари,
Воля листвы и брызг.

Света малейший блик
В каждую грудь проник,
Ясность в ночах воздвиг,
Зимний взломал тайник.

По очевидностям иду,
Свидетель мудрый и прямой,
И в ткань прозрачную спешу
Укутать жизнь моей земли.
Как тщетно зло, как смерть пуста,
Сомненья — это только фарс,
Нам облегчающий прыжки!

А взору моему меж тем сродство знакомо,
Мир возрождается, в нем бытия оскома,
Мир — он весом и прав, без пламени горит,
И женщину влечет его забавный ритм,
Ребенка малого влечет в седую старость,
В нем ярость всех камней, булыжник городов,
Где каждому собрат неведомый готов!

Я слышу вечером в горячечном восторге
Ребенка сильного неудержимый крик,
Я слышу жалобы изысканной особы,
И мужественный зов, и правду темных недр.
Я повторяю сон, пришедший издалека,
Глаза мои ясны, мне вечностью владеть,—
Ведь лишь на малый миг я омрачался прежде.

Я говорю «добро», и я хочу добра,
Я ныне говорю и присно: жажду меда.
Волнами ходит мед, колышутся хлеба,
Дыхание мое их привело в движенье,
Мой лоб изборожден, и я не отрекаюсь,
Я одолел свое безвестное рожденье,
Начало дней моих — иллюзией зову!

В реалиях
Опора всех реаний,

Мораль подвластна
Разве что морали.

Живу необходимым благом,
Полезным миром.

Живу порывом вечным:
Прибыл — отбыл.

Старая, молодость организуем
Свою на протяжении лет.

Выращиваем тысячи других ---
Родных и юных. Осенью и летом.

Не опускайся только. Чтоб крыло
Благоу цель в полете обрело.

Старая, расточаем повседневность,
Сгоняем мрак с вершин бессмертных или
Грядущему оказываем честь.

Я склонен к повторениям в той мере,
В какой являюсь человеком,— странно,
Что я никем еще не опровергнут.
А голос мой звучнее стал неожиданно,
Я прав — и этому дивлюсь я сам,
Принадлежа
Всем славным временам!

Слова, что мне запрещены,— темны,
А в разрешенных спит
Имен конкретность,—
Откуда же приходят имена
В потоке отвлеченнейших абстракций,
Не им ли
Мысль захлестнута моя?

Когда мертвы слова в строю,
Несчастья поступь узнаю.

Слова как наважденье чувств.
Не зря наследуешь в словах
Живые нимбы юных жертв,
Кошмар отчаяний немых

И ненавистную тоску
Толпы... Она побеждена,
Споткнувшись на ступенях снов.

В их городе беднеет слово «дом»,
И нищета гнездится в доме том.

Еще есть слово светлое: «окно»,
Стеною загорожено оно.

На солнышке резвятся мотыльки.
Песок пустыни гложет зелень трав.

Вода похожа на пробитый щит.

О, пальцы рук! Напрасные огни!
В порабощенье трудятся они.

Дух нежных яств — неутоленный голод.

Чешуйки черепиц. Рассвет. Лазури ключья.
Ребенок портится, соприкасаясь с ночью...

Усталость ласк. Путь вьюги и зимы.
И старость. Шерсти клок пожертвовали мы.

Мы нынче реку переходим вброд —
На берегу калека остается.

На слове «комната» веков налипла грязь.
Сверкающая сила оскудела.

Обугленный никчемный пень.

Трясина. Запах. Мраморный букет.
Решетка, укрепленная свинцом.

Цветок — сосредоточье броских красок.

Постель, как поражение стяг,
Померкший свет. Пустой стакан.

И слово «зеркало», где клянчит корку красота.

Раскрыл полночный соловей
Сто язв бессонницы моей.

Лес будет корпией твоей!

В словах живет агоний хрип,
Растленной трусости расчет.

Волна. Не выйти из нее.

Кровь человека навсегда
Уходит за неполный час.

Пугает нас людская кровь.

Кровь отвечает только «нет»
Пред смертью на любой вопрос.

Слова: «Все средства хороши» — змея когда-то
прошипела.

Где равнодушья истукан?
В раструбах колокольной меди!

И в круглых стеклах панорам — анализ бесконечно
малых.

И сумерничает фасад,
И город вымощен на славу.

И птенчик головокруженья —
Орленок.

Кровли спят в снегу,
Или в пырее, как могилы.

Ладони счастья — предают.

Они добра не обрели
Ни в человеке, ни в природе.
Красноречивы ль десять пальцев?

Гранита тяжесть и массив,
Где остов пьет прохладу тени.

Злак — неподвижность сколопендры.

Что губы? Крылья ветряка,
Препятствующего желаньям!

Оковы — милость для лодыжек.

«Пыльца» — как пядьцы, как плевки,
Как пепел павшего палаццо.

«Гроза»? Ремонт курантов грома!

Иссохший в раковине перл —
Пыл добродетели поддельной.

Ржавь радужки вокруг зрачка.

«Прилив»: чумные корабли
И музыка недружелюбья.

А коготь нужен нам на клавиатурах лжи!
Подточен ствол. Огонь погас. И, словно бедренная
кость,

Надломлен мостовой пролет.

Лиана на стене, как вечный шрам позора.

Медовой горечью измазан мертвый улей,
И ветер не шумит в печальных парусах.

Так я порыв утратил.

И морщины
Мой лик покрыли.

Понял я,

Что, начиная с ночи, низвергаю
Чертоги зла — и создаю надежду,
Вздываясь из развалин бытия.

Ужели я в былом такой был думой занят,
Что стоила б зари, что стоила б труда,
Труда отважных рук в преддверии доверья?
И кружева плести из крыльев я учусь,—

Из крыльев — и всего, что я зову приветом
Грядущим временам!

Живое кружево зарозовевших зорь,
Прозрачные глаза и ласковые речи!
Довольно бегств! Иду. Лечу. Живу.
Высоким пламенем клянусь,—
Суть этой клятвы
В том — что пускай не я,— забудут зло другие!

Им суждено владеть собой,
Владеть порывами души,

Владеть восторгом первых слов,—
В них красота. В лучах морщин —
Пригожесть утренней зари,
Отдохновенье мудрых глаз.

Я должен был сказать все то, что произнес.
Ведь я не из глуши пришел,— откуда братья
Мои пойдут. Я жажду пережить
Себя. И, сбросив смерть, стать безграничным словом.

А это слово — «Ты», и я тебя найду:
Откроешь ты моих деяний череду.

Соединяешь ты все истины на свете,
Любимая моя и любящая — Ты.

Ты лето и зима, ты осень и весна,
Ты позволяешь мне бежать от сожалений,
Чтоб легкой жизни не искать ценою
Лжи — даже добродетели во имя,

Во имя истины — бесспорной даже!

Есть в подлинности прав — свободы подвиг,
И завязь есть, и плод обетованный,
И плодородье тянется к свободе,
Даруя нам довольство и прозренья.

Есть лишь одно на свете изваянье:
Осанка человеческой свободы.

Единый свод сплотил все семь небес в одно.
Лишь прихоть зодчего — любой кирпичный дом.

Мне веки окаймил лазурной окоем,
Животный ужас мне от века незнаком.

Пространство мне всегда казалось струйкой
млечной:
Я ею вскормлен и увековечен.

Средь бела дня, из темных недр колодца
Я вижу небо, полное созвездий.

Звезд размноженье. Бракосочетанье
Сезонов года.

Развяжу узлы
Того, что представляется случайным.
Сугробы дряхлые помолодели,
Сияет солнце в наших городах.

Мы так широко окна распахнули,
Что будущее отразилось в них.

Скользит рассвет по черепичным крышам,
В лазури воплощается дитя.

А облака не весят ничего,
Но грозы с них срывают облаченья!

Текут сквозь пальцы воздух и вода,
Но зелень угнездилась в нашем сердце.

Кровь человека — как веретено,
Вытягивающееся в бесконечность.

Нет, не был я похож на свой зеркальный отблеск,—
Способно ль зеркало предвидеть все гримасы?

Зелены побеги утомленья,
Над постелью ветвь зазеленела.

Древность выступает против смерти,
Слава стерлась в лавке нумизмата.

К зелени стола пристегнут когтем
Золотой мираж обогащенья.

Гул толпы лианой опоясан,
Колос оплодотворяет грозы.

Горьким медом сжат пучок иголок,
Колющих живую сладость жизни.

Мертвый жемчуг разделен на сотни,
Нет, на тысячи живых жемчужин.

Жемчуг все грозитя раствориться
В чистоте своей непреходящей.

Огни мгновений,— но сперва —
Недвижных странствий острова!

Где одиночества уж нет:
Страшиться ближнего не след!

Пути. Я не думал так далеко уйти.
Я иду по следам самых лучших людей.
Преодо мной бесконечность дорог и путей.

Одно мне было нужно существо
Всегда, чтоб жить и вдохновлять других.

Ты камень. Смерть. А я не древесина:
Красива и кипуча плоть моя!

Наши руки ведут в сердцевину пляски,
Словно всплески крыльев и птичьих песни.

Стол нам дарует четкость каллиграфа,
Отточенность речений, верность нот.

Стол правит жатвами. А губы правят
Законом наслаждений.

А прилив
Вздымается, как ствол зазеленевший,
Как разверзающиеся глаза.

Неизмеримый шаг свершает парус,
Наполненный ветрами океана.

Уходит парус. Тает в синеве,
Чтоб вновь разбухнуть у чужих причалов.

А человек, в пространствах невесомый,
Взлетая, ускользает от земли.

И я могу жить в четырех стенах,
Не забывая о безмерном мире.

Жилье прошедших дней, былая скорлупа,
Распахивает дверь — пусть боль моя тупа!

Один другого лучше во сто крат:
Рассвет, опережающий закат.

Прыжок. И снесена острожная стена.
На воле нищие. Толпа гудит, грозна.

Одно богатство есть у них в любой судьбе —
То к ближнему любовь иль к самому себе.

Любовь одна создать поэму им поможет,
Где ритм сменяет ритм, а рифма рифму множит.

Любой открыл себя, открыл себе во благо,
А благо общее — безоблачно, как день.

Собою быть, чтоб в нас жил человек любой;
Чтоб жить в своей среде, ты будь самим собой.

Быть мудрым, чтобы вновь безумье обрести,
Безумным стать опять, вновь мудрость обретая.

Приди ко мне, дитя простора и пространства,
Я вышел из толпы и подхожу к тебе.

От ласки на пороге наготы
Вселенная разверзлась перед нами.

От ласки на пороге поцелуев
Мы переходим к разветвлениям чувства.

Любовь бесцельна, или цель ее —
В существованьях без различий пошлых.

Сосредоточенность легко в экстаз приходит,—
Не так ли нашим снам порой легка заря?

Желанной чувственности средоточье.

Нам нужно осязать, глядеть, вкушать и слышать,
Чтобы раздуть огни под небом голубым,
Начальные огни — созвездья трав и почвы,
И завязь первая. Рожденья первый крик

И ощущение каждого мгновенья.

Нам нужно видеть все отнюдь не в черном свете,
Доверьем озарить и одичалый взор,

И пламень породить — без ярости и дыма.
Ты дышишь светом. Свет лучи ко мне простер.

Мои глаза тебе сумели улыбнуться.

Воду налил я в кувшин,
Заселил простор равнин,
Полон я лучом зари,
Кровь узрел в себе. Внутри.

Видеть — это грань ладони
Золотых песков залива,
Прелесть розовых прибоев,
Утоление всех желаний,
Радость плачущих от счастья.

Учи меня словам — все выслушать могу я:
Раздумий не стыдись — отважно думай вслух!

Затишье — удивительное чудо,
Все понемногу расцветает;
Ветер,
Как щетка платяная, шелестит.
Морская зыбь и соль большого солнца.
Твое дыханье входит в мой ответ.
Твои слова я знаю, — слушай ветер,
Я тоже связан с рокотами жизни
Твоей — сердца на перепутьях эха.

Мы двери заперли и ставни затворили,
Но, робостью дыша, ты внемлешь всем громам,
Прислушаемся к ним, к немым, к столь близким нам,
К непостижимости полуночного гула!

Давай перешагнем рубеж души живой.

Я был далеко, голодал и жаждал
Прикосновенья нежного — подобно
Земле, любовью оплодотворенной,
И почве истощенной. Не исчислить
Усилья лемехов, дождей и лет!
Тебя коснуться — как лицо из листьев,
Тебя коснуться — травяное тело,
Твоей рукой я защищен от терний
И от крапивы жгучей. Ласки, ласки
В единый сон все сны мои свивали,
В сон ясновидящий, слепой и долгий!
Ведь лучше было прикасаться ночью
К твоей груди.

Я был спасен отныне,

Испробовав лазурь и соль прилива,
И землю. Сено, кровь, мороз и кожу,—

Все услышав. Всей нежностью согрет,
Я говорил, дышал, приобретая цвет,
Я появлялся вновь, как некогда, на свет!

Привяв прозрачность полдня, тень постиг,
Созвездья разделил и сочетал их снова,
Постиг людских поступков скрытый смысл,
Бывая карликом и великаном;
Воображенью место уступали
Пять чувств моих.

Вообразить нетрудно,
Что свойственно нам и шестое чувство!

Сплав чувств пяти — зову Воображеньем.
Воображенье видит, обоняет
И осязает. Ощущает вкус
И слышит. И спешит продлить мгновенье
Тщеславного желанья. Знаю правду:
Воистину, со злом пора покончить!

Я вижу обе стороны медали
С моста, что всех людей объединяет,
Сцепляет воедино все миры.
На мрачном камне — первый луч восхода,
Прыжок пантеры за рубеж хаоса:
Все позади — камень и терновник!
Я вижу, как ребенок месит тесто
Грядущего. Я вижу, как спокойно
Себя нагая предлагает. Впрочем,
Быть может, шелестят ее наряды!
Воображаю первый отзвук — клича
Надежды человеческой. Из рук
На землю упадет безумья факел.

Плоды — вкусней зари, преображенной
Устами самых свежих родников;
И, затаив дыханье от восторга,
Я вижу арку ясного согласия:
Порабощенные найдут, найдут
В самих себе — порыв освобожденья!

Я вижу этот мир — сперва в стекле витрин
Застывшим, а потом он рвется в рокот улиц,
Забрызгивает грязью мостовые,—
Вот хлынул он к надеждам влажных борозд!
Распахнут ворот силой нежных рук:
К груди, набухшей молоком, прильнул я.

Я вижу этот мир, грядущий новый мир,
Еще он не рожден, но непременно будет,—
Всё за него: свет матерей и зерен.
Грядущий мир дворцы умеет строить,
Он бесполезность может оценить,
И что ему оков гнилая нить!

И завтра — не погибну я,
И завтра — я волшебник чувств,
И завтра — поцелуй огня,
Я уничтожу суховей,
Росою сердце окроплю
Еще незримые поля!

А ведь не все было так просто, так весело!

И я хочу сказать о тех, чья жизнь жива,
Хоть кажется иным, что все мы в бездну канем.

Ребенок побледнел перед лицом отца,
Он торс не обнажил, как свойственно боксерам,
Он кулаки не сжал, не отвердел душой,
Нет знания в глазах. уверенности в слове.

Мальчик вертит шейкой тонкой,
Вдруг погас домашний свет:
У ребенка нет потомков,
Для ребенка бога нет!

Я вижу утренних озер прозрачный холод,
Я слышу толчею сочувствий и тревог,
Молчанье всех мастей я вам поведать смог,
Я молод был вчера, я и сегодня молод.

Я не могу расти, учиться не хочу я,
И кузница моя мгновенней белых искр,
В словах моих — толчки; иду вперед, не быстр,
Пытаюсь отдохнуть, у смерти час ворую.

Ребенок побледнел, как белое пятно
На карте бытия.

Но был ли я ребенком?
Я, говорящий об ушедшем детстве,
Как говорят о смерти неминучей.

Выдумываю детство и кончину,
Иду в рожденье, в смерть, в удушье равнодушья,
Чтоб слиться с вечностью не здесь, не в этот миг.

Где начал я и где переступлю рубеж?
Я отвергаю миг, в который я подобен
Всем образам моим, возникшим иль погибшим.
Я юности не знал, но я и не умру.

Отрада жизни — щеки спелых яблок
В сладчайше-липкой солнечной глазури!

И вёсны в инее зимы,
Забвенья пыльная страница,
Мираж воздушной кутерьмы,
Где полнота парит, как птица!

Я страдаю, не зная, когда
Я рожден и когда я умру,
Я страдаю, не зная границ,
Я — вчерашний и завтрашний день,
Я — вечерний и утренний свет,
Я — утрата и память веков
На скрещеньях бегущих лучей!

Я не похож на некий странный куст,
Зависящий лишь от погоды чувств.

Я не похож на небо насекомых,
На стебельки растений незнакомых.

Лети, душа, прямее путь держи,
Чем альбатросы или же стрижи!

Мы в парусину складки ветра спрячем:
Мы их разглядим утюгом горячим.

Пусть крыльев нет. Истаял воск, исчез,—
Без крыльев я свой отметаю вес.

В немую землю мощь моя вопьется
Копьем артезианского колодца.

И я могу извлечь из сердца стих:
Желание быть лучше всех других!

Я на земле живу с другими вровень,
Пусть ближний расцветет моим здоровьем.

Пусть все прочтут: простейшим языком
Изложен справедливости закон!

Я на ладонь кладу лицо любое,
Оно мерцает каплей голубою.

Я оживляю лица — оттого,
Что хочется начать мне с твоего.

Я присягнул любовью вдохновенной
На верность обнадуженной вселенной.

Мы оба — ты и я,— мы оба на виду:
Влюбленность вечную когда-нибудь найду!

Утрата наших братств печально ощутима,
Поверь — я не хочу утратить побратима!

Но миру этому расти, наверно, лень:
Наш мир обидно мал и скуп, как зимний день.

Мал, как банальностью отмеченное имя,
Мал, как янтарный лист в осенней пантомиме!

Ребенок, посланный родными в бакалею,
Твердит, что велено купить, твердит, бледнея,

Считает медяки — как побелели пальцы!

Любовник думает о чертежах и кальке,

Ученый опоздать на поезд свой боится,
Рабочий думает об отдыхе в больнице.

А улица сама стирает мокрой тряпкой
Шаги усталости, след изморози зябкой.

Поэт желает жрать — таков закон желудка!
На промысел ночной выходит проститутка.

И эшафот. И плоть. И голова в упор.
Готов на шею пасть стремительный топор.

Не лавры — нищета героя увенчала.
Мать наработалась и до смерти устала.

Их сон объединил в своих руках не зря,
С трудом разбудит их рассветная заря.

Усталость смертная расторгла жизни круг.
В их жалкой нищете залог скупых разлук.

Я вижу спину серого пальто
На улице под ливнем невеселым.

Я вижу, как бесстыжие пигмеи
Приветствуют, молясь, свои знамена.

И вижу я солдат в грязи окопной,
Отвешивающих поклоны пулям.

Я вижу помертвевшие дома,
Разрушенные, словно для забавы.

Я вижу развороченное чрево,
И разложение, и мушиный рой.

Я вижу вены стариковских рук
У сумрачной ограды богадельни.

Я вижу бесполезность красоты,
Угасшей в горьком сумраке сомнений.

Еще цветы из воска и бумаги,
Как отпрыски бесплодия земного.

Я очень скоро должен буду смолкнуть.

Однако, если я еще живу,
То это потому, что и другие
Со мной; они бормочут так, как я,
Спеша, пока не онемели вовсе.

Поэты — мы должны им речь вернуть,
И дать от всех отрав противоядье.

Будь проклята их злая нищета,
Не знающая страсти и восторга!

Мы радость оживим, во имя обещанья,
Увековечим жизнь в миг смертного прощанья:
Так розовый рассвет увековечен вдруг,
Когда он окружен кольцом счастливых рук.

ТРУДЫ ПОЭТА

Гийевику

I

Умей вести себя с другими
на выгоревшей траве
под белесоватыми облаками.

Умей вести себя с женщинами
в доме сером и теплом
под прозрачной простыней.

Умей вести себя наедине с самим собою,
над ничем еще не запятнанным листом бумаги,
под угрозой бессилья,
меж двух пространств и двух времен —

между жаждой жизни и скукой.

II

За чем вы пришли
в знакомую комнату?
За книгой, которую не раскрывают никогда.
Что пришли вы сказать

нескромной женщине?

То, чего нельзя повторить.

На что взглянуть вы пришли
в тот край, что у всех на виду?

На то, что видят и слепые.

III

Коротка дорога,
и очень скоро ты придешь
к цветным камням,
потом
к пустому камню.

Придешь ты очень скоро
к словам похожим,
к словам, лишенным веса.
Потом
к словам, лишенным связи.

Говоришь, не ведая о чем.
И уже наступает рассвет.
Нет ни ночи,
ни дня:
только отзвуки бесконечных шагов.

IV

Дальний год, отдаленный день.
Прогулка и сердцебиенье.
Природа продолжала собою
наши движения и наши слова.
От нас ускользала аллея,
деревья увеличивали нас,
и мы успокаивали треволненья скал.

Мы были именно там.
Мы умеряли зной,
многое становилось яснее.
Мы распевали,
мир становился тесным для нас,
ведь мы любили.

Перед нами шла толпа,
и толпа позади,
и толпа прошла с песней мимо нас,
как всегда, когда ни люди, ни время
не идут в счет,—
в миг сердечного раскаяния,
в миг самоосвобождения.

V

А еще раньше
я был одинок,
я дрожу и сейчас, стоит мне только вспомнить
об этом.

Простейшее одиночество,
отрицание счастливых совпадений,
воистину, я изведal тебя.

Признаюсь, что был покинут.
и более того — признаюсь,
что покидал любимых.

Со временем все улеглось,
будто сноп света
в потоке огней,
будто паруса
в благоприятную погоду,

будто пламя в печи,
наделяющей нас теплом.

С годами я вновь обрел тебя,
о бесконечное присутствие,
сила, простор любви,

растущий простор.

VI

Я становлюсь близнецом существ, любимых мною.
Я их двойник в природе, лучшее доказательство
их истинности. Я спасаю лицо
тех, кого избрал, чтобы оправдаться.
Они многочисленны, бесчисленны даже,
они ходят по улицам за себя и за меня,
они носят мое имя, а я ношу их имена.
Мы схожи, как плоды одного дерева,
большого, нежели природа и все ее доводы.

VII

Говоря это, я знаю,
что прав и в гневе своем:
небо было попрано, людская плоть
растерзана,
разбита параличом, порабощена, рассеяна.

Я хочу справедливости,
хочу справедливого воздаяния,
безжалостной справедливости,—
пусть палачей бьют в лицо,
пусть исчезнут лишние корни.

Но я знаю, говоря это,
что повсюду есть ласковые чрева,
повсюду создаются люди
подобные мне;
но прав я в своей гордыне:
старый мир не в силах задеть меня, я волен,
я не потомок королей, я — человек,
я остался стоять, хотя меня и хотели сломить.

Достойные жить

1948

НЕЗАПЯТАННЫЙ ОГОНЬ

...А угроза под багровым небом
Шла из наших сжатых челюстей,
Из холодной чешуи, из грубой
И скользящей тяжести оков.

Жизнь была нам роздана так щедро,
Чтобы смерть могла принять всерьез
Нашу дань, которую без счета
Мы платили ей из года в год.

Гниль была упрямой и отважной,
Смерть была наставницей любви:
Те, что побеждали в поцелуях,
Становились жертвами ее.

И, однако, под багровым небом,
Под кровавым аппетитом зла,
Под угрюмым голодом — закрылась
Жадная пещера навсегда.

День настал: земля сомкнула ямы
Вырытых заранее могил,
И в утробе матерей младенцы
Перестали в страхе трепетать.

А бесчестье, глупость и безумье
Уступили место на земле
Братьям — людям,
Что с проклятьем жизни
Навсегда свели былые счета,—

Тем, кого вовек не истребить.

Н О Ч Ь

Неподвижна, тиха — как сама тишина,
Как мертвец, погруженный в бездушную землю,
Как унылая, стылая тьма в голове.

Монотонна, глуха — как осенняя мгла,
Чье лицо, отраженное, плавает в лужах,
Чуть подернутых мутною пленкой стыда.

Только яд фонарей, обезумевший сам
От видений своих — золоченых уродов,
Из холодных туманов плюет на людей.

В О Л К

День удивляет мои глаза,
И угрожает ночь,
Лето видениями томит,
Гонит бичом зима.

Зверь на снегу оставил следы
И на сыром песке.
Видно, бежали лапы его
Дольше, чем я бежал.

Видно, бежал он издалека
По ледяной тропе,
Где оставляет одна лишь смерть
Жизни своей следы.

ИЗВНЕ

Ночь. Одиночество. Холод.
Запертый в темноте,
Слышу, как селятся ветви
Путь отыскать в тюрьму.

Разве прикажешь травам,
Чтоб не искали неба?

Но для меня и небо
Заперто на засов.

...Рушатся злые стены.
Жаркой, живою стужей
Сразу охвачен я!

П О Г О Н Я

Одичалая погоня
Через сумрачные залы
Бледно-сизого дворца:
Через призрачные залы
Этой ночи, что сверкает
За огнями золотыми,
За пролетами колонн...

Все позволено ночами.

Тот ли я, что убивает,
Или тот, что был убит?

С У Д Ь Б А

Как только погружались в сон они,
Бродяга — и всегда один и тот же —
В безлюдном переулке
Прямо к сердцу
Себе стальное дуло приставлял.

И время прекращалось.

К такому не привыкнуть никогда!

ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Лес помертвелый, пустынный лес,
зимний холодный путь.
Корабль, что засыпан до самых мачт
громадой слепых снегов.
Глухое пристанище — мертвый лес,
где больше надежды нет.
О, если бы вновь повидать морей
разбитые зеркала!
Но нет: охватила и тянет вглубь
холодной волны петля,
И тело мое — живая толпа —
страдает от этих мук.
И вот, распадаясь, в последний раз
каюсь в пережитом:
В жизни своей и в смерти своей —
за вас, за себя, за всех!

ПАБЛО ПИКАССО

Стою перед толпой портретов:
Один из них — твое презренье,
Завоевание — другой,
А третий — светлая, живая
И своевольная вода.

Еще один — он весь играет,
Как ясный колокол росы.

А этот — всех неуловимей.
Он — словно призрак,
Что нарочно
Решил спуститься к нам на землю,
Чтоб людям льстить.

А вот портрет
Твоей подруги: яркой тканью
Ты скрыл и теплый запах тела
И молоко ее груди.
Но перед ясным циферблатом
Ее спокойного лица
Трепещет маленькое солнце,
И жалко на него смотреть.

И в этих нежных зеркалах —
Все истины земли и неба,
Все окна,
Что открыты настежь
Для ослепительного утра,
Для голубых, старинных танцев
На берегу невинных глаз,

Они доверчивы и чутки,
Твои ожившие портреты,
И влюблены — по всем законам
Прекрасной логики любви.

В НАШИ ДНИ

*

Под моей рукой — лицо кровати,
Я ласкаю сонную кровать.

*

И черта ночного горизонта
Все еще прозрачно-зелена.

Эта ночь в меня дохнула светом,
Этой ночью всюду мне видны

*

И несчетные глаза людские,
И сердца оставшихся в живых.

*

Этот город четок и порывист,
Как зубцы разбитого стекла.

*

Словно раб очнувшийся, охвачен
Слишком явной ненавистью он.

*

Двери настежь, все в дверях столпились,
Все смеются, плачут и глядят

*

На большой, роскошный стол, накрытый
Лишь для тех, кто голода не знал.

СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ

Когда замкнутся небеса
Сегодня вечером,
И растворится высь во мгле
Сегодня вечером,
Когда вершины в мрак уйдут,
Себе я снова кров найду,
И будет свет в моем дому
Сегодня вечером.

Но кто ответит: где мой дом
Сегодня вечером?
Мой дом — повсюду и нигде
Сегодня вечером.
Но мне из всех моих домов
Всего желанней и милей
Дома, где ждут меня друзья
Сегодня вечером.

З А Р Я

Течет над миром пламенное солнце,
Оно нам каждый день рождает землю,
Я в нем всегда уверен, как в тебе.

А ночь плывет улыбкой над тобою,
Над сонной, с обнаженными чертами,
Мечтающей об утренней заре.

И как безмерна тайна наслажденья
Под поединком медленных туманов,
Что заволакивают горизонт.

Они стирают небеса и землю
И оставляют только нас друг другу,
Единственных и слитых навсегда...

О поднятая мною из забвенья,
Тебя счастливой видеть я хотел!

* * *

Одна веревка задушила десять человек,
Один горящий факел сжег цветущий городок,
Один незванный человек унизил весь народ.

Вот кошка нежная растет в уюте и тепле,
Как в раковине голубой жемчужинка живет,
А тихой полночью сама своих малюток съест.

О Г О Н Ъ

...Наши ступни увязают в ковшах снегов,
А наши глаза леденеют на злом ветру,
И хриплую брань мы кидаем в лицо зиме.

У каждого дерева в воздухе место есть,
У каждой скалы на земле своя тяжесть есть,
У каждой воды под землею дорога есть.

И только у нас — нет своего огня.

К ОДНОЙ ГОДОВЩИНЕ

Праздную главное: что ты — здесь.
Ничто не ушло, жизнь дала свежие побеги,
Молодые ручьи бегут в весенней траве.

И потому, что мы любим жару, — жарко,
Плоды окрашены солнцем, сверкают краски,
А после — за девственной зимой ухаживает пылкая
осень.

Нет, человек не зреет: он старится, и дети его
Успевают состариться прежде, чем он умрет.
А у внуков он вызывает только смех.

Ты — первая и последняя, ты не состарилась,
И, чтобы осветить мою любовь, мою жизнь,
Ты одна сохранила свое сердце.

Политические стихи
1948

А Ф И Н А

Народ-король, в отчаянье народ,
Ты много потерял, но сохранил
Любовь к свободе, веру в правоту,
Большое уважение к себе.

Чистосердечный, как твоя любовь,
Народ-король, смерть не грозит тебе.
Ты жаждешь вечности и телом и душой,
Поверил ты, что хлеб тебе дадут.

Поверил, что оружие дано,
Чтоб честь спасти, восстановить закон.
Отчаявшись, в оружие только верь,
Оно — не подаянье, а надежда.

Надежду эту противопоставь
Смертям невинных и зловещей тьме,
Народ в отчаянье, но и народ — герой,
Голодный патриот страны родной.

Ты вместе с веком крепнешь и растешь,
Однако ты желаний не менял,
Идею с плотью ты соединил,
Стремись к хлебу и к свободе ты.

Свобода — это море в час зари,
Хлеб — это единенье всех людей,
Сияющее благо для людей,
Оно сильнее горя и врага.

В ИСПАНИИ

Если в Испании есть
хоть одно дерево цвета крови —
Это дерево свободы.

Если в Испании есть
хоть один неумолкший язык —
Он говорит о свободе.

Если в Испании есть
чистый стакан вина —
Он будет выпит народом.

ИСПАНИЯ

Глаза, всех на свете прекрасней,
Поют безмолвную песню.
Хотят они видеть дали,
А не тюремные стены,
Хотят они, чтобы веки
Не темнели от горя.

Даже прутья решеток
Поют о свободе.
И песня растет и крепнет,
Идет по людским дорогам,
Летит под неистовым солнцем —
Солнцем грядущей бури.

Новой жизнью живут
Те, кто в тюрьме и в изгнание
Костер разжигают во мраке.
Это чудесное пламя
Несет рассветную свежесть,
Росу и прохладу утра,
Победу
И радость победы.

ПАМЯТИ ПОЛЯ ВАЙЯНА-КУТЮРЬЕ

Я живу в квартале Шапель,
и газета моей ячейки
Называется очень просто:
«Друзья улицы обращаются к вам!»
Эта маленькая газета
раздается всему кварталу,
Даже денег не стоит — стоит
лишь каких-нибудь пять минут.

Мое сердце — с друзьями улицы,
и они говорят со мною,
И они меня вдохновляют
быть такими же, как они,
На желанье и долг помножить
нашу верность и нашу дружбу,
Быть всегда и повсюду вместе,
чтобы сильными стать вдвойне.

У прохожих на нашей улице —
одинаковые заботы,
Одинаковые надежды:
хоть немножко меньше страдать.

Всей душой я сливаюсь с ними,
с их большим и невинным сердцем,
И слова у нас — одинаковы,
я за них говорить могу.

Наша улица вдаль уходит —
к новым улицам и надеждам,
К новым людям и к новым песням
и к твоим временам, наш Польш!
Ты был тоже — как эти люди,
и недаром ты клялся нами:
Мы сегодня тобой клянемся
и сражаемся — за тебя.

Мы клянемся, что день настанет:
переменится эта жизнь!

„ЦЕЛЬЮ ПОЭЗИИ ДОЛЖНА БЫТЬ
ПРИМЕНИМАЯ К ЖИЗНИ ПРАВДА“

Моим требовательным друзьям

Когда я говорю, что солнца свет в лесу
Подобен женщине, что сбросила одежды,—
Вы верите, мои одобнив чувства.

Когда я говорю, что дождевой кристалл
Звенит всегда в слепой любовной лени,—
Вы верите, продлить любовь желая.

Когда я говорю, что птица над окном
Ни разу в жизни «да» не говорила,—
Вы верите, вы разделяете тревогу.

Когда я говорю, что средь полей родник
Припрятал ключ реки, несущей зелень,—
Вы верите, понятно вам и это.

Когда ж я говорю об улице моей,
И о стране — об улице бескрайной,—
Вы мне не верите, уходите в пустыню.

Без цели вы бредете, позабыв,
Что есть борьба, надежда, единенье,
Что надо мир познать и переделать.

Я вас увел бы шагом сердца за собой,
Но нет уж сил. Я прожил жизнь, и я еще живу,
И удивлен, что вас я убеждаю,
Что вас хочу освободить, хочу вас слить
С пронзившим небо тростником рассвета
И с теми породнить, кто строит новый день.

НЕВОЗМОЖНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Я думал, что бесчеловечность — рок,
Венец, ярмо и рабство — без конца,—
Я знаю драму, автора ее.

Стремилась ночь поймать мои шаги,
Тщеславие касалось плеч моих,
Но шел я твердо к горьким родникам.

И видел я среди борозд от слез
След красного железа на лице
И чудо, что разбил тугой кулак.

Кровь на животных и на людях видел я,—
Сбор винограда этого гнусней,
Чем сами чистоплюи-палачи.

Жертв не поняв, я скуку выбирал
И одиночества увядшую траву,
Не становясь противником беды.

В игру кровавых палачей я не вступлю,
Я одинок, но цепи разорву,
Ни смерть, ни жизнь моя — не унижение людям.

*

Я лгал. Я в том не виноват. Есть братья у меня,—
Дорога их — моя. Я понял, что я лгал.
Товарищи, вот вам рука моя. Я ваш.

СТРАСБУРГ, XI КОНГРЕСС

Жаннете Вермери

О Конгресс! Хитроумное слово, невинное слово,
простое слово.

А ведь это тысяча оживленных лиц,
Они множатся, как зерна насущного хлеба,
Как семя, чей росток пробился к свету из
любвеобильной почвы.

Я здесь, и я ищу жизнь, всеобщую жизнь,
Жизнь, утешающую меня в муках.
Здесь я обретаю уверенность, здесь я в выигрыше,
Здесь я становлюсь надеждой земли и открываю
дорогу

Дню, который даст человеку взаимы бытие всего
человечества.

СЕСТРЫ НАДЕЖДЫ

Сестры надежды, отважные женщины,
Вы заключили союз против бойни,
Чтоб доблесть любви сплотить воедино.

О мои сестры, пережившие многих,
Жертвующие жизнью
Ради ее торжества.

Сестры величия, близится день,
Когда мы будем смеяться над словами
«война» и «нищета».
Боль исчезнет бесследно.

Каждый получит право на ласку.

У Л И Ц Е

Кирпичи этой булочной старой —
не из белого хлеба,
Как и вся наша серая улица,
что ветрами продута.
Ведь сейчас даже самые скромные
из дешевых кофеен
Только изредка нивой бывают
для случайных пропойц.
Я ведь знаю: у этих кофеен
гниловатые зубы
И манеры довольно плохие,
несмотря на доходы.

Это — серая, серая улица,
ни клочка позолоты,
Только стылые стекла кофеен,
только взор исподлобья,
Только горькие, сжатые губы
трех усталых прохожих,
Что шагают вдоль серых панелей,
возвращаясь с работы.
Я бывал в этих темных подвалах,
сам в таком обитаю —

И поэтому знаю: на свете
нам не слишком уютно.

Это — серая, серая улица,
где сама добродетель —
Как стакан чуть соленой водицы,
что и пить неохота.
Это — длинная, длинная улица,
будто серая вена
На больничной руке проступает,
безнадёжно усталой.
Здесь и пьют и едят понемногу,
и живут понемногу,
Здесь томятся под скукою жизни
и под сажею неба.

Это — путь в никуда, это — призрак;
но и здесь временами
Грузовик переедет прохожего
иль раздавит ребенка.
И считается целым событием
видеть кровь на панели,
Наблюдать, как знакомое гибнет,
на глазах изменяясь.
И в пływучей грязи под ногами
удивительно видеть,
Как живое опять зеленеет,
перед тем как увянуть.

Всемогущее солнце! Я знаю,
что ничем не рискую.
Говорить — пустяковое дело,
это всякий умеет.
Вот вода, электричество, плитка —
это дело другое,

Это было бы дерзко, пожалуй,
но куда светонесней.
А на пляже лежать, загорая,
и насытиться вдоволь —
Говорить о такой благодати
я и вовсе не смею.

А ведь были, друзья, и такие,
что богов воспевали,
Что играли с красой обнаженной,
пьедесталов не зная.
Нас стеною они окружили
небылиц и обманов —
Так давайте ее опрокинем
и с дороги отбросим,
И давайте-ка на ноги встанем
в этом мире нелепом,
Где нельзя улыбнуться, чтоб губы
у другого не стыли.

Синевой нас покрыла усталость —
не небесною синью.
Даже май нам не светит, а только
подает подаянье.
Даже белые грозди сирени
и смеющийся ландыш
Нам из милости свежесть даруют,
словно нас презирая.
И становится мертвенно-синим
даже тело подруги,
Хоть она и любила примерно,
хоть она и терпела.

А ведь мы у источника были,
было рядышком море!

Переполнилась мера терпенья —
это каждому ясно.
Не желаем, как прежде, сносить мы
этот холд постылый,
От которого кости стареют
и корежатся мысли.
И пускай розовеют от гнева
изможденные лица:
Все и бrenно, и вечно на свете,
ибо мы существуем!

Мы возьмем нашу серую улицу,
бесполезную улицу,
Раскачаем и вырвем с корнями,
навсегда ее вырвем,
И потом ее взвалим на плечи
и потащим отсюда,
Чтоб в святилище наших хозяев,
содрогаясь, издохла
Эта серая улица!..

Леда

1949

(Фрагменты)

ПЕРВЫЙ СОН ЛЕДЫ

Я спала ничком на теплых травах,
Я вживалась в собственную плоть.

А во мне — как мириады зерен —
Глубь небес, тяжелая, текла.

Стаи птиц слетались истомленных,
Прячась в камышах, чтоб умереть.

Т Е Л О

Я медленно глажу свое пробужденное тело,
Я песенку детства тихонько пою про себя.

Я плотью своей, как магнитом, с небес совлекаю
Узоры созвездий, когда-то приснившихся мне.

Я — редкостный хлеб, я — для тех, кому голод неведом,
Я стала ничьей, вы все потеряли меня.

Я зеркалом стала, вращающим ясные блики,
Я легким победам свой радостный смех отдаю.

О груди мои — вы созрели для ласк, вы гудите,
Как звон колокольный в жестокую бурю гудит.

Теперь я могу ограничить могущество неба,
Низвергнуть с престола могу недоступных богов.

Я смертною буду, себя без конца повторяя,
Я буду бессмертною, время в себе раздавив.

Я буду как пламя, когда меня снегом охватит,
Я буду как снег, если пламя охватит меня.

БОГ ГОВОРИТ

Она мечтает не о ком-нибудь,
Она мечтает обо мне.

Я жаждой этого мгновения
Давно томился в небесах.

Я — добродетель, я — чудовище,
Я — зверь, я — истина любви.

Пусть нагота ее смыкается
Вокруг желанья моего.

Смотри: крылатый и пылающий,
Я возникаю на земле.

И молния моя становится
Плодотворящею струей.

О Ж И Д А Н И Е

Звук, и запах, и огонь слетались,
Чтобы крылья надо мной сомкнуть.

Свет, и холод, и лазурь вливались
В плечи истомленные мои.

Зелень шелестела и дрожала
В пленной, ожидающей крови.

Я под жарким солнцем задыхалась,
Свежий ветер затоплял меня.

Я ждала... чего?.. сама не знала...
Я изнемогала — и ждала.

Так я сердце настезь отворила,
Так я стала алтарем любви.

С Л И Я Н И Е

Небо движется — я не боюсь, я мечтаю.
Небо движется — мне хорошо и легко.

И по ясному озеру сёрдца струятся
Белоснежные крылья больших облаков.

Это — лебедь, он тих и тяжел, он огромен,
И могучие гладкие крылья влажны.

И внезапно — в разгаре слепящего полдня —
Грозовая, густая смыкается ночь.

О, как жаден трепещущий клюв исполина,
Как в объятьях пернатых поет моя плоть.

Он жесток, он владеет губами моими,
Но и я овладела бесстрашьем его.

Я была заржавелой, я стала сверканьем,
Я звеню, как отточенный гибкий клинок.

Я лежу, опрокинута к звездному небу,
Ореол полыхает на веках моих.

Дикий зверь, я твое неприступное небо
До последних желаний моих низвела.

Ты напрягся — и рвется тугая преграда...
Мы смешались... Но миг — и я снова одна.

ТОРЖЕСТВО

О, как премудры правила земные —
Земные, совершенные тела.

Они себе завоевали право
Друг другом упиваться и любить.

И только солнца блеск невыносимый
Затмить способен блеск их наготы.

Но лишь для тех, кого любить решил я,
Приоткрываю я свое лицо.

Я крыльями машу, я истощаюсь,
Я исхожу безумьем и теплом.

И оперение мое стареет,
Белеет, словно вымытая кость.

Я — как пчела, лишившаяся меда,
Я — победитель — обращен в ничто.

Опустошенный, я во мгле теряюсь
И снова замыкаюсь в скорлупе...

Но струйка крови празднует победу!

П О Б Е Д И В Ш А Я

Мой лебедь — безумьем его я стала
И шею свернула ему потом.

Ведь я оказалась куда сильнее,
Чем птица, вонзившаяся в меня.

О маленький, бедный, замерзший лебедь,
Ты был только средством моей любви.

Один только зверь ты в моем зверинце,
Один только колос в моем снопе.

Мой взор, и язык, и душистая кожа
Все новых бесчисленных птиц зовут.

Они содрогаются и взлетают,
Клокочущей стаей летят ко мне.

О белая роза, пернатая роза,
У ног ты, задушенная, лежишь.

И не были крылья твои сырые
Могучими крыльями божества.

А я — обнаженная — поднимаюсь,
На смятой траве, как свеча, стою.

И чувствую вдруг: отрастают крылья,
Объятые пламенем два крыла!

Урок морали

1949

О, БЕСКОНЕЧНАЯ СМЕРТЬ

Злу:

Радости бледный хлам,
Сено никчемной жизни —
Оба они легки,
Как и сама покорность,
Не тяжелей улыбки,
Пасмурной от слез,
После которой сердце
Словно лежит в пыли.

Есть у меня мой труд,
Горечь и пробужденье,
Кожа моя и простыни,
Стыд и сомненья есть.
Каждая мелочь хочет
Вырасти до вселенной,
Так я иду, плечами
Приподнимая смерть.

Я — словно тучный пласт,
Где прорастают корни,
Где погибают дни,
Рушась лавиной к сердцу.

Снизу гляжу — где тень
Видит свою сова,—
В мрак этой душной ночи,
Что разделяет мир.

Добру:

Быть в единенье — это предел.
Чувствую: ширятся наши души,
И приближается край земли.

Сердце народов бьется сильнее,
Сердце народов стучится в землю,
Будет невиданным урожай.

Труд человека вызовом стал
Всем хозяевам, всем преградам,—
Трудиться хотим на самих себя.

За руки день сквозь ночь проведем,
Наших врагов навсегда забудем,—
Нет ослепительнее побед!

Мы проникаем в самый огонь,
Надо, чтоб стал он для нас здоровьем,—
Мы поднимаемся, как хлеба.

И сеем любовь!

О ПЕРВОМ МАЯ — ПЕРВОГО МАЯ

Словно листья мы дерева одного —
Так собрал душный ветер нас.
Нищета — это ночь, а война — потоп.
И от зеркала, что протянули нам, остается одна
амальгама.

Не вчера, а всегда, и сегодня они смеют так нагло
Обещать смерти нас — нас, молодеющих с каждым
Простым поцелуем, молодеющих с каждой весной,
Черпающих свет из грядущего.

Небо спрятать хозяевам хочется — небо не спрятать!
Наша сила — первая сила, открытая сила,
единственная среди сил.
Издавна и навсегда на земле мы — люди.
Время минет — не будем мы знать ничего, кроме веса
счастья,

Кроме легкого нежного веса почек, ростков и плодов.

Т Е Н И

Злу:

Мы оба согревались у костра,
Который жег нещадно джунглей кровь
И листья иссушал со всех сторон.
Тяжелые шальные языки, казалось, землю могут
подпалить,—
Так что заплещет шар земной в ночи.

Мы оба согревались у костра,
Нагруженного, как свинцом, любовью,
Мы в горестях и радостях — одно:
Тот самый цвет, тот самый запах, тот же вкус,
Тот самый отдых, то же равновесье, та же страсть.

И голоса, и жесты были общи,
И даже память общою была,
И поцелуи шли одной дорогой:
Я целовал, ты целовала, я и ты,
Не думая о том, кто мы и что мы.

Ты трепетала в трепетных моих руках,
Спускались мы к огню одной тропой,

Туда, где «быть или не быть», к костру
Бредовых пеплов и конца концов —
Конец союза женщины с мужчиной.

Как это раньше думать врозь могли
Мы, близнецы по плоти и мечтаньям,
Как проводили ночи мы и дни,
Как мы могли считать себя людьми,
Когда не вместе были мы с тобою?

Могли! Не лишними мы были все равно:
Боролись мы за братство на земле,
Едины были с ветром, с парусами,
С надеждой всех несчастных на планете, —
Они поют свое рожденье.

...Вот ты теперь мертва, а я теперь один,
Ты так отрезана, как будто часть меня,—
Но все же я живу назло небытию.
Живу я только ради памяти одной
О той, которая была мне образцом.

Когда б не это — теней мне не надо.

Добру:

Над землею кружатся тени,
Как послушные дочери солнца,
Они дружат с людьми и зверьми,
И несут они людям отдых.

Над землею кружатся тени
И стремятся заре навстречу,
А луна — словно пух, легка,—
Так, наверно, думают спящие.

Под землей — над шахтером тени,
Сердце бьется сильнее, чем тени,
И оно огонь похищает,
И несет на-гора́ день грядущий.

*

Обида горняков
Растет, как тень
Стыда и нищеты
И ярости людской.

Работать без надежд,
Свою могилу рыть,—
А ведь могли б они
Дать свет глазам людей.

«Нет,— говорят они
И праху, и беде,—
Мы уголь выдаем,
А кто его берет?»

У сердца нет границ,
Но у терпенья — есть.
Не станем голодать,
Когда другие жрут,—

Пророки мрака врут,
Нам обещая рай.

*

Товарищи горняки! Я заявляю здесь:
Мои стихи нужны — затем, что правы — вы.

А если людям умирать до срока —
Тогда пусть первыми умрут поэты.

ГРЕЦИЯ

Не расстаются со мной цветы и травы,
Их запах летит вслед за ветром,

Ягнята играют, как глупые дети,
Орел — как точка в высоко раздвинутом небе.

Солнце живет, опираясь ногами о землю,
От него розовеют в любовном волнении щеки,
В человеческом сердце ликует радость.

Здесь человек среди величья бессмертного мира
На небе имя свое написал, а пламя хранит на земле.

КАРАЙОРГИС

Огни — глаза детей —
Среди запутанных огней,
Среди сверкающих потоков
И точных меж,
Среди колосьев, золотящих разум,
Где все пять чувств — нетерпеливы.

Кто эти дети?

Женщины, мужчины,
Сердца которых в зелени стучат,
Глаза которых солнцем добродушным
И чистым воздухом ослеплены —
Как будто берега реки весенней,
Когда они заполнены народом.

Им хочется добыть всю жизнь до капли,
Собрать ее до дна в своей стране,
Они объединяют простоту воды
И опьянение легкое, без мрака,
Их руки строят новые дворцы
На фоне белого дрожанья света.

Если ты человек — созидание дело твое,
Если нива — дай урожай народу,

Если дерево — тенью своей осеняй,
Если день — отогрей человека,
Чтоб и ночью
Не холодно было ему.

Карайоргису холодно ночью:
Падает он с высоты мечты.
Жена Карайоргиса —
Тоже в тюрьме,
Она — ветка среди зимы,
От бессонницы холодно ей.

Карайоргис восстал,
С давних пор превратил он в оружие
Зов надежды,—
И вот я пою
Карайоргиса силу,
Пою — торжествующую любовь.

Бессмертье пою —
Бессмертье людей, единых в любви и в оружие.
Эти двое — остались они
В песнях друзей,
Которые знают отлично цену оружию,
В песнях друзей, которые
Пламя правды зажгли.

«Одиночество — голод и жажда.
Снег — и тот приведу я к огню.
Твердо верим, что любим друг друга,
Навсегда даю клятву в этом —
Я, который оставлен, покинут,
Я, чей образ скончался давно».

И на черном мосту, ведущем к заре,
Снится: кровь одиночества блещет —
Пурпур в свете луны, из которого
Возродится любовь — ясна, словно глаз.
И смеется женщина, и вздыхает мужчина —
Возрождается всюду любовь.

Страх жизни этой, смерти страх
Не омрачают Карайорггиса,
Не омрачает наших дней грядущих;—
И видим мы великое рожденье, ничто
Для нас не тайно и не в прошлом.
Любимая, приди — и помоги.

И наша кровля — длительность надежды,
Хранящая вчерашние заветы,
Весенних урожаев семена,
И нежность, умножающую страсть,
И птицу, улетающую в небо...
Два рта свою соединяют юность.

Если бы Греция
Была освобождена,—
Как яркая жемчужина — из плена,
Из створок жестких раковины; если
Отброшен был бы серый саван; если б
Свет солнца грудь свою широко распахнул; и если б
Мы выиграли общую игру
На землях всей земли —
Игру земель без меж и без пределов,
Игру лазури без унылых туч,—
Вот где бы человек обрел дыханье,
И цель свою, и свой родник, и климат!

Одна лишь искра — уничтожит смерть,
 Одна лишь капля — победит пустыню.
 И Карайоргиса жена средь пыток —
 Ребенка верой верит...

Что еще
 Нам нужно, чтобы жить?

ЧТОБ БОЛЬШЕ НЕ БЫТЬ ОДИНОКИМИ

Словно черные птицы, они танцевали в ночи.
Юноши, девушки шли в хороводе.
Было чисто их сердце, и как различить,
Кто из них — юноши, кто из них — девушки.

У всех за плечами — винтовка.

За руки взявшись, они танцевали и пели
Старую песню — новую песню: песню свободы.
И темнота пламенела от песен.

Враг уснул.

Они славили жизнь. И вторило эхо.
Их юность была как песок на пляже бескрайном,
Которому море несет поцелуи планеты.

Немногие видели море.

Но честно и правильно жить — ведь это и есть
Путешествие в мир безграничный.
Честно и правильно жили они.

И ради братьев своих, ради братьев своих

во всем мире

Мечтали высокой мечтой.

И движутся горы навстречу равнинам и морю,

И вторит горное эхо мечте и безумной победе.

И тянутся руки к рукам,

Словно к морю — ручьи.

МОЛИТВА ВДОВ И МАТЕРЕЙ

Мы были женами в дни мира — и порой
Мы просто так смеялись, без причин.

Не жалейте крови для нас,
От фашизма избавьте нас.

Мы убаюкивали весь огромный мир,
И груди наши наполнялись молоком.

Дайте в руки винтовку нам,
Чтоб могли мы фашистов бить.

Мы были чистым родником, рекой,
И океаном мы мечтали стать.

Научите сражаться нас,—
Мы фашистов не пощадим.

Фашистов меньше, чем убитых ни за что,—
Убитых, не убивших никого.

Беззаветно любили мы,
Жизнь любили мы прежде всего.

Дайте в руки винтовку нам,—
Против смерти восстав, умрем.

ГОРА ГРАММОС

Немного сурова гора Граммос,
Но люди смягчают ее суровость.

Варваров мы убиваем,
Чтоб ночь наша стала короче.

Глупее, чем пушечный порох,
Наши враги. Они нас не знают,

Не знают они ничего о человеке,
Ни о его замечательной силе,

А наше сердце гранит, даже камень.

Посвящения

1950

ЛЕГИОН

Памяти двадцати трех иностранцев—
участников Сопrotивления, замучен-
ных и расстрелянных гитлеровцами
в Париже

Если я могу сегодня по-французски
говорить о них и вспоминать о них,
Если в сердце живы горечь и надежда,
радыи мои и ненависть моя,
Если и поныне мы все еще живем,
мудростью дыша, стремясь и сознавая,
Если до сих пор простор мечты огромной
тусклым покрывалом не заволкло,—

То только потому, что эти иностранцы
(как поныне многие называют их)
С верой в справедливость жили и боролись,
в прочную для всех, зёмную правоту;
Только потому, что глубоко в крови
кровь себе подобных ощутив живую,
Шли они на смерть и ясно понимали,
что своею родиной называть должны.

Свобода одного вдохновляет всех,
 все народы мира к свободе устремляя,
Одного невинного горькие оковы
 все народы мира заковывают в цепь.
Тот, кто слышит голос собственного сердца,
 тот, кто осознал судьбы своей закон,
Видит сам, что бездну нужно одолеть,
 нужно всю планету от нечисти избавить.

Эти иностранцы, что были рядом с нами,
 сами, не колеблясь выбрали огонь.
Вижу их портреты не только на стене —
 с нами навсегда остались эти люди.
Солнце нашей памяти озаряет их,
 чтобы никогда о них не забывали,
Ведь они сражались за счастье на земле,
 ведь они зывали к мести неподкупной.

Всей своею жизнью смерть они убили
 в сердце неподвижного зеркала ее,
Ибо откликается, словно эхо, жизнь
 только на призывы мысли справедливой.
И когда над всею страдающей землей
 только этот голос будет всюду слышен,
И когда убийство кончится — тогда лишь
 будут и они вполне отомщены.

ХІІ СЪЕЗД КОМПАРТИИ ФРАНЦИИ

Где мы сейчас? В Женевилье.
Где мы сейчас? Среди друзей.
Нас здесь приветствует Вьетнам.
И десять юношей его,
Как братья, с нами заодно
Клеймят позорную войну.

Торез о дружбе говорит
С такою силой слов прямых,
С такою правдой доброты,
С такою твердостью, что нам
Как на ладони виден мир —
Мир счастья и единства сил.

Торез французам говорит
О справедливости борьбы
За справедливость и за мир.
Он говорит для тех, кто прав,
Для тех, кто честно строит жизнь,
Для тех, в чьих трудовых руках
Есть сила защитить свой труд
И мир и братство отстаять!

Г О В О Р Я Т Р А Б О Т Н И Ц Ы

Есть справедливость на свете?
Нет, справедливости нет.
Но она может прийти,
Если мы сами ее создадим.

Несправедливость нас душит.
У нее — из золота руки,
У нее — из золота когти
И полные пригоршни мрака.

Наши руки — полезные руки.
Мы стучим кулаками в стены.
Нам нужна справедливость.
И рушатся стены.

И наши справедливые руки
Победят.

РЕЧЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ ШАНДОРА ПЕТЕФИ

Приветствовать хочу я человека,
Умершего сто лет тому назад.
Двадцать шесть лет ему от роду было,
А Венгрии — немало сотен лет,
В них затерялось множество поэтов.
Приветствую поэта я живого.

Не солнцем и не небом он рожден:
Его отец — колбасник, мать — служанка.
Хочу воспеть нужду его и славу,
Которой суть была в одном, лишь в том —
чтобы нужду навеки победить,—
Такая слава сделала его любимым.

С оружием в руке, любви словами
Он звал грозу на головы врагов
Простого хлеба, роз простых.
Хочу
прославить победителя тиранов,
Благословленного народом стихотворца.

Хочу сказать: в пятнадцать лет мальчишка
Осмелился постичь всю душу взрослых,— став актером,
Осмелился он человека выражать.

Он, умирая с голода, смеялся над небытием.
Ребенок был тогда еще ребенком, а стал великим
человеком,

Петефи точно вес зари измерил над землей,
Он знал: заря — в руках рабочих и крестьянских,
И потому заря мосты возводит
от «жить» до «пережить»

И, поцелуи возрожденья зажигая,
Ведет волну воды к сухим степям.

Петефи радовался силе убежденья,
Напрасных не любя кровопролитий,
Однако отдал кровь свою до капли,
Чтоб умереть свободным и продолжить
Надежду бедняков — отчизны мед.

Друзья!

Оплатите вы золотою верой
Все золото бессмертных строк Петефи.
И Венгрия сынов считает верных,
Своих героев — по звезде поэмы,
По эпосе солнечной равнины,
По сбывшимся мечтам ее поэта.

31 июля 1949 г.

С Ч Е Т К О П Л А Т Е

Посвящается Илье Эренбургу

Десять друзей погибли на войне.
Десять женщин погибли на войне.
Десять детей погибли на войне.
Сто друзей погибли на войне.
Сто женщин погибли на войне.
Сто детей погибли на войне.
И тысяча друзей, и тысяча женщин, и тысяча детей...

Мы умеем погибших считать.
Мы можем насчитать миллионы смертей.
Мы умеем считать... Но время летит —
Мы все забываем от войны до войны.

Но если хоть один из убитых войной
В нашей памяти встанет во весь свой рост,—
И вся наша жизнь против смерти встает,
И мы сражаемся против войны.

Мы боремся за жизни!

Вроцлав. 26 августа 1948 г.

МОИМ ТОВАРИЩАМ ПЕЧАТНИКАМ

Мы — товарищи по ремеслу.
Видеть ночью дает оно зрячим.
Видеть — значит, понять и противиться злу,
Быть — не быть — это слово значит,

Надо верить, верить и знать,
Что в твоей, человеческой, власти
Быть свободным и лучше стать,
Чем сулила судьба или счастье.

Будет скоро большая весна.
Будет жизнь в небывалом расцвете.
А для этого сила живая должна
Одолеть мертвечину на свете.

С О В Е Т С К И Й С О Ю З —
Е Д И Н С Т В Е Н Н А Я Н А Д Е Ж Д А

Братья! Есть в мире страна,—
Словно в зеркале чистом,
Каждый в ней видит себя,
И нет силы, способной
Зеркало это разбить,
загрязнить,
затуманить.

Братья! Есть в мире страна,—
И в лучах ее света
Страны другие растут,
и мужают,
и крепнут.

Позади —
Гибель, злоба, и смерть, и неволя,
Позади —
Палачи попирают ногами
Наши мечты о свободе,
о мире,
о счастье.

Вперед, на востоке,—
Свет лучезарный горит,
И могучие руки

Держат ключи
От бескрайнего светлого завтра.
Братья! Советский Союз
Для себя и для нас хочет мира.
Братья! Советский Союз
Нас ведет по широкой дороге
К миру и счастью,—
Туда, где кончается ночь ·
И сияют
Людям свободным
Грядущего чистые зори.

В О И М Я Д Р У Ж Б Ы

Марселю Кашену

Благодаря тебе, Марсель, еще я молод,
Ни одного огня не погасило время
Из всех твоих огней былых.
Ты жить нам помогаешь, помогаешь
Бороться за надежду.
Ты нас учишь,
Что нашим гордым братьям нет числа.

Ты знаешь лучше всех,
Что унижение
Поработить не может
Человека,
Ты знаешь лучше всех,
Что уважение к человеку —
Оружие любви.

Ты знаешь лучше всех,
Что справедливость
Прекрасна.
И от человека к людям,
К хорошим людям, к людям безупречным,—
Ее дорога.

Людам

Сказал ты «да».

И говоришь ты «нет».

Бесчеловечности.

В твоих руках растет то зеркало волшебное,
Что держит пред нами счастье.

И молодость моя

Хотела бы питать такие же надежды

И столько же надежд, как ты,

Хотела бы стоять на страже жизни,

Как ты стоишь на страже, мой товарищ,

Уверенный в победе, мой Марсель.

Возможно все сказать

1951

ВСЕ СКАЗАТЬ

Все — в том, чтобы все сказать, но мне не хватает слов,
И не хватает времени, и мужества не хватает.
И как во сне, наугад образы я бросаю.
Я плохо жил и ясно говорить не научился.

Я должен все сказать — о скалах и о дороге,
Об улицах, о прохожих, о полях и пастухах,
О первом пушке весны, о ржавчине зимней,
О холоде и тепле, рождающих единый плод.

Хочу показать весь народ — и отдельно каждого
человека,
И то, что дает ему крылья, и то, что приносит горе,
И каждый человеческий возраст, и то, что озарено
человеком,
Надежду его и кровь, историю и заботу.

Хочу показать толпу, огромную и разобщенную,
Разделенную перегородками, как на кладбище
мертвецы,
И толпу, которая стала сильнее собственной тени,
Толпу, сломавшую стены, победившую своих господ.

Показать сплетение листьев и сплетение дружеских
рук,

И безвестного зверя осторожный шаг,
Плодоносную влагу реки и росы,
Справедливость на страже и крепкие корни счастья.

*

Счастье ребенка смогу ли я объяснить
Мячиком, куклой и просто хорошей погодой?
Отважусь ли я увидеть счастье мужчины
Глазами его жены и детей?

Смогу ли я объяснить любовь и ее законы,
Ее свинцовые драмы — и фарсы, соломы легче,
И привычные жесты, придающие ей повседневность,
И ласки, которые снова возвращают ей вечность?

И сумею ли я связать урожай
С удобрением, зарытым в землю?
И смогу ли добро сравнить с красотой,
И потребность — с желанием, и схему — с порядком
живым?

И хватит ли слов у меня, чтоб под крылом
необъятного гнева
Оружием ненависти ненависть уничтожить
И показать, как жертва торжествует над палачами
И как слово «революция» переливается всеми
красками...

Свободное золото зорь в уверенных ясных глазах.
Ничто ни на что не похоже — все ново, все драгоценно.
Я слышу: простые слова звенят металлом пословиц
И мудрость, избавясь от мук, простоту обретает.

Против! Смогу ли сказать, что всем сердцем я против
Глупых причуд, рожденных одиночеством!
Я погибал, защититься от них не в силах,
Как скованный воин с кляпом во рту.

В них растворялись тело и сердце мое и рассудок —
В бесформенной массе, полной бессмысленных форм,
Которыми прикрывают гниение и упадок,
Угодливость и преступленье, равнодушие и войну.

Вот почему мои братья меня едва не изгнали:
Я утверждал себя, не понимал их борьбы,
Я хотел взять у жизни больше того, чем она владеет.
Я не имел представления о завтрашнем дне.

Против конца всех начал! Я — человек, и этим обязан
Людям, которые знают жизни подлинный смысл,
Я этим обязан повстанцам, выверяющим прицел
винтовки,
Выверяющим сердце свое, пожимающим руку друг
другу.

Люди! В груди человечества непрерывно и неустанно
Растет и ширится песня. Пели ее всегда
Те, кто грядущее наше поднимали в бой против смерти,
Против сырых подземелий, где пигмеи и безумцы кишат.

*

Смогу ли сказать: наконец-то распахнуты двери
Из подвала, где бочки во тьме громоздятся,
На волю, туда — где лозой виноградной поймано
солнце...
(Я должен об этом сказать словами самого винодела).

Женщины скроены по образу воды или камня:
Или нежны или слишком цельны, легкомысленны или
суровы.

Птицы летят, разрезая иные просторы, .
А собака плетется в поисках старой кости.

Отзывается эхом полночь лишь на голос глубокого
старика,

Что тратит свое богатство в песенках пошлых.

Но и этот полночный час не потерян.

Я не усну до тех пор, пока не проснутся другие.

Смогу ли сказать: только юность прекрасна,—

И показать при этом морщины свои на щеках,—

Только бесконечная смена отражений прекрасна

От начального роста семян и цветов,

От свободного слова и зримых предметов

До вершин доверья людского...

Я хочу, чтоб ответ прозвучал раньше вопроса

И чтоб ни один язык не казался нам иностранным.

И никто не захочет, чтоб рушились крыши,

Чтоб горели кварталы и трупы валялись,—

Потому что я буду знать все слова созиданья,

И они нам помогут поверить, что время — источник

жизни.

Люди будут смеяться смехом здоровья,

Смеяться всегда, потому что все — братья.

И со всеми ты будешь таким же добрым,

Как бываешь с самим собою, когда хочешь любимым

быть.

Не волнением нежным — могучей волною

Радость нахлынет, свежее, чем море,—

Люди завтра поверят моей поэме;

Что сегодня пишу, день вчерашний стирая.

МОГУЩЕСТВО НАДЕЖДЫ¹

Я молчать не могу, лучше выплеснуть душу наружу:
Ничего своего, все отобрано, нищ я и гол,
Не дают разогнуться, и волю смятенную душат,
Я унижен, я раб, я свободы своей не нашел.
Мне одни лишь страдания даны во владенье навечно,
Только слезы и пот да томительный труд без конца,
Только жалостью слабых порой я бываю отмечен,
Сильным мира сего показать я не смею лица.

Голова моя кружится, кружатся годы и лица.
Об одном лишь мечтаю я: есть, улыбаться и пить,
Как хотел бы уснуть я и хоть на мгновенье забыться,
Иногда человеком мне больше не хочется быть.
Сплю я два-три часа, не целую хорошеньких женщин,
Устоять я не в силах под натиском горьких невзгод,
И под гнетом судьбы становлюсь я все меньше и
меньше...
Но надежда не гаснет, без умолку сердце поет!

¹ «Это стихотворение, опубликованное 28 ноября 1946 г. в «Леттр франсэз», было подписано псевдонимом «Дидье Дерот». Автор хотел избежать той формы стиха, которая ему свойственна». *Прим. Элюара.*

Я еще посмеюсь, и не раз я еще опьянею,
Грудь моя превратится в гнездо лучезарной зари,
Я еще просняю, от счастья не раз онемею,
О надежда, сокровище бедных, гори в моем сердце,
гори!

Я зову справедливость и знаю: она мне ответит,
Я безжалостных гордо, без тени тоски обхожу.
Солнце ясное всем — даже самым отверженным светит,
И на солнце с надеждой, с великой надеждой гляжу.
Будет день — среди строителей нового светлого зданья.
Буду я — бывший нищий, презренный, больной, —
Буду зодчим чудесных высот созиданья,
Буду я вдохновлен всемогущей народной волной.
И в толпе этой каждый мне другом испытанным будет!

ТРЕВОГА ЛЮДЕЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Злу:

Если он — лишь человек, он споткнется о время,
И зло поглощает его в кораблекрушенье...

*И я уже говорю о времени, что миновало,
О времени, что ушло безвозвратно.*

В крови его пляшут сомненья,
Радость его угнетает,
Красное небо тревожит,
В сердце его — шипы и роза.
Море для него, скорее, трудно,
И земля, скорее, неблагодарна.

Глаза его заплыли от жира
Или голодным блеском сияют,
Глаза его наткнулись на перекрестки
Любви и злобы,
Глупости и ума,
Гения и беспутства!

Он одновременно среди бурь —
Как скала и как в супе петух.

Он — как ученый, стоящий перед важным открытием,
И как ребенок, что шлепки боится,
Как человек, неуверенный в себе, в своем завтра.

*Поймите меня: я хочу, чтоб вы знали,
Что не так-то все просто на свете!*

Памяти и предвиденья мало,
Чтоб он узнал, откуда пришел
И куда он идет.
Он нежно любит горькую справедливость
И стертые добродетели, что ему указали
На различие между богатым и бедным.

Он знает, что двадцать ему скоро стукнет,
Что час придет и старость настанет,
И что не так он пройдет,
Как проходит над каждою жатвой небо,
Чтобы вновь возродиться,
И его завтрашний день — слеп.

Едва занимается свет в его свинцовом мозгу.
Кости его — это прах, и ладони в мозолях.
Он — только точка в пространстве,
Уже миллиард раз умершая тихо.
Благоразумие — вот что для него решает все.
Хозяева жизни его — это темные звери,
Засыпая, боится он не проснуться.

*Люди будущего, надо смотреть во вчера,
Я говорю вам о тех, что без весны умирали.*

Добру:

Одинокий ходил от зеркала к зеркалу,
Чтобы пустыню вечеров населить своим отраженьем.

*Люди будущего, я о сегодняшнем дне говорю,
Я в настоящем живу, я хочу в этом вас убедить.*

Я с огромным народом живу среди живых,
Снова народ приходит в сознание,
Рук миллионы протянуты снова с надеждой,
Он кормит себя сам
Мужеством и добротой
И уверенно смотрит вперед.

Горе свое он выплакать может в труде,
И бесконечные минуты труда —
Это счастье грядущего дня,
Жажда грядущего дня!
В воздухе слышны призывы! Даже камни будут
..... цвести!
А глаза раскроются вместе со всеми глазами.

Больше нет одиноких на свете,
Нет больше людей, что прячутся в собственную тайну.
На сегодняшнем небе, на завтрашнем небе
Людей одна и та же мечта увенчала,
Подруга-мечта, как птица — перьям своим подруга,
Как драма — слезам своим подруга.

*Поймите меня, потому что понятным становится все,
Завтрашний день — это смысл всеобщей жизни!*

Да, были лохмотья, руины,
Тернии, огорченья,
Руки без хлеба и лица, покрытые гарью,
Несправедливые муки и преступления,
И проклятая тайна того, кто зло совершал.
Были губы, увядшие без поцелуев, пустые глаза...

Но мы мучеников своих и героев любили,
Только их себе в судьи избрали,
Достойны они величья самых смелых дерзаний,
В битвах они — как рассвет пробужденья,
Из смерти выходят они, одеты зарею,—
Наши вновь возрожденные, сильные братья.

Они нищету отвергли,
Нищету, убивающую ржавым оружием,
Война для них — как бездетные жены,
Хотели они, чтобы все были, как братья, под солнцем,—
Гирлянды от родника к роднику!
Их чистые чувства уже предвкушали рождение дня.

*Быть лишь одним из людей — смысла уже не имеет.
Только одно нам прибежище и утешение — жить!*

ПОЭТЫ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛ

*Жану Фревилю, который хорошо
знает, как разум пролагает дорогу у
любви*

Поэты, которых я знал...
Память о них, словно осень,
Тень заполняет солнцем...

Многих поэтов я знал —
Живых и умерших, слабых и сильных,
Поэтов счастливых, поэтов печальных,
Всех, кого я понимал и любил, —
Слабостей полных и полных достоинств,
И тех, кто мечтал о кораблекрушенье,
И тех, кто в спасенье верил.

Их сердца превращались
То в золу, то в металл благородный.
Был услышан их голос.

Он поднимался все выше,
Прижимаясь к губам рассвета,
По холмам простодушным —
Даже тогда, когда хмурилось небо.

Но небосвод раскололся над их головой.
Но животворный источник в траве затерялся.
И голос поэтов прозвучал призывом к оружию,
К справедливости, к братству.

И захотели поэты
К ближним прийти.

И я прихожу к Арагону
И слышу, как он говорит.
Говорить — значит, сердце свое показать —
Наше сердце:

«Столько людей на земле,
Более чутких, чем мы,
Умеют взглядом одним
Сорвать покрывало тьмы.

Столько людей на земле
Жизнь переделать хотят,
Чтобы завтра солнца лучи
Озарили цветущий сад».

Мой друг Арагон помогает людям
Самих себя выражать —
В наших людских пределах,
В наших земных границах —
И сверх всяких пределов,
И сверх всяких границ.

Слово «предел» — одноглазое слово, кривое.
Но у людей — два глаза,
Чтобы видеть весь мир.

Из всех поэтов, которых я знал, Арагон всегда оказывался правым в борьбе против всяческого уродства — и в спорах со мной.

Он указал мне прямой путь; он и поныне указывает его всем тем, кто не понял, что бороться против несправедливости — значит бороться за свою собственную жизнь, за жизнь, расцветающую надеждой, и за всю любовь, какая только есть на земле.

Д Н Е М

Море и лес, гора и равнина,
Живая вода, кипучий огонь,
Радости, скорби, противоречья —
Другой их увидит ясней меня!

*

Закат. И все длиннее тени:
Они вот-вот коснутся мира,
Который делим мы с тобой.

Волны реки, луна,
Солнце, листва, роса,
И горизонт домов,
Что комнат моих живеи,

Сердца горячий стук,
Руки мои, глаза —
Все они движут жизнь,
Все они гонят смерть.

Время идет вперед,
Не разделяя нас,
Вечность за мной спешит,
Чтобы настичь меня.

ЗАКОН

Всегда бывало на земле
Среди толпы несчетных лиц
Одно лицо, что человека
К потомкам будущим ведет.

*

Думать спеши о своей стране,
О людях своей страны.
Думать спеши о братьях своих —
О людях на всей земле.
Бывшие дети — они сидят,
На коленях держа детей,
И сами, растроганные, хотят
Созвучными быть с детьми.

*

Создавай ребенка — по образу и подобию
Самых лучших твоих желаний,

И смотреть спеши, как бежит он перед тобою
По зеленой тропе весенней.

Он похож на цветок, что от зорь убегает к зорям,
От весны убегает к лету.

Ведь ничто не стареет. Горячие краски жизни
Не тускнеют на ярком солнце.

Г Р Я Д У Щ И Й Д Е Н Ъ

Тюрьмы закрыты, закрыты для узников,
Скалы в толпе — они.

Впервые легко о них говорить мне —
Легко, как дышать и жить.

Если б тюрьма хоть одна открылась,
Я бы томился в ней.

Но для чего вспоминать об этом,
Если на воле — все!

*

Певуч и животворен труд,
Легка и радостна усталость.
Мое дыханье стало шире,
Чем собственная грудь моя.

»

Улицы и дома,
Пастбища и леса —
Все залито одним горячим блеском,
И солнце есть у каждого из нас.

В небе не видно туч,
В воздухе — толпы солнц,
 И общим стало каждое волненье,
 И общей стала каждая любовь,

И незачем вспоминать
О горестных временах.

О КАМЕНЕНИЕ ПОЭТА,
ПОЭТА ОБЫЧНОГО

Он мягок был, как густая шерсть,
Как шелк, драгоценен был.
Он окна закрыл и закрыл глаза,
Чтоб видеть только себя.

И вот он увидел себя в себе —
Меньшим, чем человек,
Но большим, чем призрачный сонм богов,
Которых придумал себе.

И стала холодной кровь. Голова —
Далекою от земли
И легче мыльного пузыря,
Тающего в лучах.

А он уже мнил свободным себя,
Свободным от всех людей...
Тогда он на землю опять сошел,
Как сходит под землю труп.

ВДОХНОВЕНИЕ ПОЭТА —
ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Он мягок был, как густая шерсть,
Как шелк, драгоценен был.
Могли становиться руки его
Девичьих рук слабей.

Умел говорить он с простыми людьми,
С детьми говорить умел.
Невинность лучше он отражал,
Чем молодая мать.

Видеть умели его глаза
Скрытое от других:
И адовы муки усталых душ,
И смерти зыбучий прах,

И знанье, и гордость, и мощь труда,
Подробности битвы любой,—
В нем все отражалось, всегда вперед
Надежда его вела.

Он грозным орудьем греметь умел
О победах своей страны,

Он волосы жизни трепать умел,
Чтоб заново причесать.

В тени, на горе — всегда начеку —
Его правота была.

Он плакать умел, смеяться умел,
Глядя на мир вокруг.

Ласкать он умел, укрощать умел,
И страшен был гнев его.
Враги не сдавались. Тогда их огню
Он плоть свою предложил.

И он не погиб — погибли враги.
Он навсегда живет
В сердцах человеческих. Кровь его
Всего только круг один обошла —

Человечества полный круг.

МИРУ ГРОЗЯТ, НО МИР ПОВЕДИТ

1

Берегись! Затуманилось зеркало жизни...

Берегись: за первыми каплями крови
Приходит поток войны и крови,
Приходит огонь и пустыня развалин,
И гибель людей неразумных,
И гибель, разумных людей.
Да, смерть человека —
Это конец нищете и страданиям.

Но это — и гибель всего, что живет, что возможно.

2

Нет, надо не гибнуть, а жить!

Проходит по лугу юная пара —
В зеленой траве цветы расцветают.
Всюду, где люди проходят по жизни,
Следом за ними — дыханье весны.

Где есть поцелуи — там ржавчины нет,
И счастлив народ, и на горизонте
Есть только дети...

Мир человека омолодит.

3

Мы больше не будем бояться.

Весна, и лето с дождями, и солнце,
Осени холод, и снова весна.
И на любой границе
Пространства и времени —
Только братство людское.
Только та же заря и тот же закат,
Весна и лето, осень, зима —

Отраженье и эхо бесконечной жизни.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Жарче всех людской закон:
Гроздь превращать в вино,
Уголь в пламя превращать
И объятия — в людей.

Жестче всех людской закон:
Не сломиться, несмотря
На войну и нищету,
На угрозу смертных мук.

Всех нежней людской закон:
Реку — в свет и в явь — мечту,
В братьев — недругов своих
Постоянно превращать.

Стар и нов людской закон,
Что идет, как жизнь сама,—
Из глубин ребячьих душ
К солнцу высшего ума.

Феникс

1951

Ф Е Н И К С

По твоей дороге я шел последним,
Последняя в мире весна, последний снег,
Последняя битва, чтобы не умереть.

И вот — мы выше и ниже всего.

*

Все можно найти в нашем костре:
Сосновые шишки, сухие лозы,
Цветы, что дождей не боятся,

Грязь и росу.

*

Огонь под ногами, огонь — наш венок,
Под ногами — жуки, птицы, люди.
Сейчас они улетят.

А те, что летят, — опустятся снова.

*

Небо прозрачно, земля во мраке.
Но дым летит к небесам,
Небо теряет свои огни,

А пламя осталось у нас на земле.

*

Это пламя — как облако сердца,
Как цветущие ветки крови,
Оно поет нашу песню,

И дыханье зимы на стекле исчезает.

✽

В страхе сгорают ночные печали,
Радостно пепел зацвел,
Мы отворачиваемся от заката,

И воё — в свете зари!

ТЫ СО МНОЙ СЕГОДНЯ,
ДОМИНИКА

Все говорилось бегло, кое-как,
Все вещи были смутны и случайны,
И в этом мире невозможно было
Ни потерять, ни выиграть всерьез.

Все чувства плыли, как по воле волн,
Все было лишь усилием каждодневным,
И будущее билось бестолково
В глухую стену завтрашнего дня.

В аду мы подцепляли все слова,
Едва вертелись стертые колеса,
Бледны и схожи были все предметы,
И ветер, как листву, кружил людей.

Сквозь мускулы просвечивал скелет,
И чувства таяли, как пар бесцветный,
А сердце стыло в полном равновесье —
Унылый гроб, где только прах надежд.

Ты пришла — и солнце весь мир кругом пронзило,
 Все — земля и люди — изменило смысл.
 Равномерным стал я, как спелый виноградник,
 Напряженным стал я, как живой магнит.

Закружились пчелы в предчувствии нектара,
 И к всеобщей цели устремился путь,
 И стократ умножил я прежние желанья,
 Чтобы их увидеть, чтобы их постичь.

Ты пришла — ты вторглась в тишину печали,
 И впервые миру я ответил: «Да».
 И тебя любил я — радостную девочку,
 Как ребенком любят младенчество свое.

И тебя любил я — всей правдивой песней,
 Всей далекой далью дней пережитых,
 Пересохшим горлом, неподвижным камнем,
 Тайными ручьями сердца своего.

Ты пришла — и явью желанье жизни стало,
 И насквозь прорыло тягостную ночь,
 Чтобы лед расплавили, чтобы грязь отмыли
 Ясные глубины взора твоего.

В мешковине сумерек осень тяжелела,
 Ласточек сковала путаница трав...
 Ты пришла — и сразу берега раздвинулись,
 Чтоб к морям далеким реки повести.

Ты пришла — возникла из глубин отчаянья,
 Одиноким деревом встала надо мной,
 И разбились крики сомнения и скорби
 Перед нашим полднем надежды и любви.

Славься! Ночь позора уступила солнцу,
Облегчилось бремя, стерлась нищета.
Славься! Подземелье стало вольной высью,
Стала даже тяжесть смеяться над собой.

Там, где столько лет беспильно прозябал я
В тупике усталости, в беспробудном сне,
Солнечное пламя захлопало в ладоши,
Вечность развернулась, разгорелся свет.

О моя тревога, о мое раздумье,
Звонкое молчанье, эхо глубины,
О моя слепая и моя всевидящая,
О опередившая зрение мое.

Ты со мною снова сегодня, Домника;
Все мое богатство — присутствие твое.
О мое спасение, о мое прозренье,
Ты меня укрыла доверием своим!

ПИСАТЬ, РИСОВАТЬ, ЧЕКАНИТЬ

Семь раз — реальность,
Семью семь раз — правда

I

Нас было двое. Мы совсем недавно
Любви слепящий полдень пережили.
Мы наше солнце вместе целовали,
Вся жизнь была открыта перед нами.

Настала ночь. Мы без теней остались.
Мы нашей крови золото смешали.
Нас было двое — в сердце тех сокровищ,
Чей свет и в темноте не засыпает.

Свеченье свое вливает туман
В зелень вечерней мглы.
А ты — ты вливаешь свое тепло
В ярость моей любви.

*

Ты замыкаешься, ты пламенеешь,
Ты засыпаешь, ты встречаешь утро —
Все месяца в году тебе верны.

Ты строишь дом, где будем жить с тобою,
Его дыханьем сердца согреваешь,
Чтоб зрелым стал он, как постель, как плод,

И в этом доме тело прячешь ты,
В нем продолжают твои мечты,
И сколько ясных полдней в этом доме,
И сколько поцелуев по ночам!

*

Волны реки,
Бездонное небо,
Ветер, и лист, и крыло, и взгляд,
Слово мое,
Любовь и надежду —
Все наполняешь движеньем ты.

*

Сегодня с утра —
Хорошая новость:
Я этой ночью снился тебе.

Я нашу одинокую любовь
С людскими толпами смешать хотел бы,
Чтоб в ней осталось место и для тех,
Кто так же любит, как и мы:
Их много,
И все же, знаю, слишком мало их.

*

Я сержусь на сердце свое,
Я сержусь на тело свое,
Но не в силах боль причинить
Той, которую так люблю.

Что солнечней любви, когда она
Живет в святой иллюзии своей,
Стоит на твердой истине своей?

*
.

Родиться, чтобы видеть и во тьме,
Для злобных мыслей безмятежно спать
И чтоб мечтать, в себе не сомневаясь.

*

Свинцовые шаги, сверканье слез
На серых глыбах скал, и — наша радость:
Зазеленели вешние леса.

*

Я превратился в странного зверька:
Мой чуткий слух с тобою говорит,
И даже губы слышат голос твой.

*

Вот выбор — полутемный переход:
Мечтать о новой жизни или жить,
Родиться вновь иль пережить себя.

*

Сегодня: я целую в первый раз,
Назавтра: ты со мной уже на «ты»,
И навсегда: я верую в тебя.

*

Мне нечего выигрывать теперь:
Я — твой и потерять тебя не в силах.
Я больше не играю: я люблю.

Я мечтал о весне — весна почернела,
Почернело железо в спелых плодах.

И одна за другой исчезали краски,
Что меня заставляли собою быть.

Я над сердцем властвовать разучался
И от белого черное отличать.

И цветок, что сверкал на лугу весеннем,
Под холодными ливнями заржавел.

Так я прожил три долгих, жестоких года
Средь опавшей листвы и сожженных жатв.

Так я прожил три долгих тысячелетья,
Как зашедшие солнца во тьме живут.

Но в плодах нашей памяти зреют силы,
Что рождают будущую судьбу.

И теперь я встаю — ибо ты восходишь,—
Словно роза над пеплом, восходишь ты.

И любовь моя больше, безмерно больше,
Чем бездонная ночь отошедших дней.

Ты желаешь быть ребенком,
Но ведь ты и так — ребенок,
Ты разумна, как ребенок,
Хоть и взрослую играешь.

А как только ты захочешь,
К нам на стол слетает небо,
И текут твои движенья,
Словно смена зим и весен.

Ты всеильной быть могла бы,
Целый мир создать могла бы,
Но — лукаво притворяясь —
Выбираешь подражанья,

Чтобы мне всегда смеяться
Смехом жалости влюбленной!

*

Ты ко мне пришла
По дорогам детства —
Строгая и нежная,
Как трава,
Как ласточка.
И впервые полночь
Окрасилась зарею,
Сумрак осторожно
Тени приоткрыл,
Чтобы черных чудищ
Навсегда изгнать.

*

Я в круг вошел твоей цветущей жизни,
Наперекор недобрым временам,

Я время подарил тебе — чтоб рядом,
Со мною рядом ты всегда была.

А ты мне даришь время — чтобы мог я
Ребенком быть у милых рук твоих.

Пусть зима заостряет ветви,
Чтоб за них зацепилась смерть,
Пусть чудовищных жатв обилье
Преграждает нам соки рек,
Пусть гудит в нашем теле стужа —
Все равно ты мне обещаешь
Только молодость,
Только свет!

*

Знаю: я должен тебя любить.
Зима встречается с летом.
Умчавшейся осени мертвый лист
В голубую купель слетает.

*

Я дышу, я словно двоюсь от ветра,
Стремящегося к весне.
А эти пустыни,
Эти руины,
Эти свирепые непогоды —
Они только знак, что близка заря
Будущих урожаев.

*

Люблю тебя.
До мозга костей
Одним я желаньем пронизан:
Жизнь
Из мрака освободить.

Из медленной скорби, из глущи непролитых слез
 Сперва появилась слепая, бескрылая птица,
 А следом за нею — пустой и разбитый челнок.

*

В руке я сжимаю доверчивость — руку твою,
 И к нашим ногам семена золотые ложатся,
 Горит перед нами единственный в поле цветок.

*

Кровью твоей обрисовано сердце твое,
 Сердцем твоим обрисовано тело твое,
 Тело твое сочетается с сердцем моим.

*

На свете несчастья, и просьбы, и жалобы есть,
 На свете обманы, и тайны, и подлости есть,
 Но в мире повсюду и наши признания есть.

*

Огромное тело, совсем небольшое лицо,
 Лицо запылало — и тело дотла сожжено:
 Ведь легче любовь, чем слепая тоска по любви.

* .

Из наших желаний рождаются наши мечты,
 Мы, словно послушных детей, их и поим и кормим,
 Ведь мы — это все, чем на свете владеют они.

*

Только любовь, о любимая, только любовь
 Уравновесить способна оружие злобы:
 Солнце взошло — и опять в равновесии мы.

Соки надежды, блаженные соки любви
Воспламеняются в нашем живом отраженье,
Чтобы воочью увидеть нам, как мы живем.

VI

Мы завтра утром встанем очень рано,
Охваченные детским отвращеньем.
Мы встанем в черный час, чтоб все увидеть
Яснее прежнего.

Ты бежишь против ветра,
Держишь юбку рукой,
Развеваются волосы
Под свирепым дождем...
Все шумит,
Все затоплено —
Небеса и земля.

Нам открылась пустыня, где робок свет.

*

Ты прочь бежишь, и я с тобой бегу,
И весь огромный горизонт бежит:
Бежит с тобою — против ветра,
Бежит со мною — замыкая нас.

Идти без конца — это значит идти далеко,
Дожди без конца — значит, близятся ясные дни.

*

Мы и вправду друг к другу пришли из далекой
дали,
Не надеясь на хлеб, не надеясь на яркое солнце.

Но волна урожаяев сожгла и смела непогоду.

Единственная капелька воды...

Но видишь, как множится блеск ее
В кольце обрученья!

VII

О нежный улей тела твоего
Под золотым неповторимым солнцем —
Он медом озарил неповторимым
Мои проснувшиеся небеса.

Женщина — это ты,
Возлюбленный — это я.

*

Среди ласк мы незаметно
Покидаем наше детство,
Но довольно только слова,
Чтобы вновь мы родились.

Спокойный поцелуй в ночи —
И прочь бегут томительные тени.

*

Тот же сон и то же пробужденье —
Сон и солнце вместе делим мы.

*

О, сколько разных ласк,
О, сколько разных красок —
Ты, сердце, никогда не чуждо мне!

Говори! Я — эхо твоих речей.
Говори! Я жду твоих слов.
На самой вершине моей стены
Ты находишь свое гнездо.

Р А Н Н Е Е Д Е Т С Т В О Д О М И Н И К И

В годы между бурей и надеждой,
Между непогодой и весной
О тебе писал я эту повесть,
Чтобы облики любви и счастья
С обликами жизни примирить

I

Ночь. Все виденья, все ужасы ночи,
Словно застигнутые врасплох,
Скалят клыки, выпускают когти,
Нагромождаются и ползут.
Краски расплывчаты. В глуби зеркальной
Все расплзается, словно лняный,
Старый сатин...

Она еще не родилась.

Даль замыкалась кольцом безысходным,
Словно булыжник, тупа и кругла.
Люди разбитыми с ложа вставали,
Память последнюю потеряв.
Дым, поднимаясь от их сновидений,
Горьким зловоньем окутывал первый
Проблеск зари...

Она еще не родилась.
Она еще глаза не приоткрыла.

Втоптана в грязь, умирала невинность,
Смехом пресыщенных осквернена.
Пышно и чванно царило богатство,
Глупость извечную боготворя.
А красота и надежда питались
Великолепными бойнями чьих-то
Сломленных душ...

Она еще не родилась.
Она еще глаза не приоткрыла.
О ней еще никто не знал.

Хриплое тело дрожало и билось,
Заперто в холоде и пустоте.
Горе, чтоб только продлиться, пускалось
В цепь рассуждений о зле и добре.
Медленной полночи тусклые вены
Неодолимым стыдом наполняли
Грозди сердец...

Она еще не родилась.
Она еще глаза не приоткрыла.
О ней еще никто не знал...
Но с гибелью и темнотою
Она уже вступила в спор!

II

Но та, что в ночи отдалась,
Казалась нежнее, чем в травах
Застенчивый взгляд ручейка.

Но та, что в ночи отдалась,
Была непреклоннее мысли,
Сражающейся за себя,

Была неуступчивей жизни,
Смешавшей надежду и силу,
Как семя увядших цветов.

О та, что в ночи отдалась!
С тех пор отдается друг другу
Все дышащее на земле.

В молчанье, в движеньях, в словах —
Во всем отдается друг другу,
И, женщина, славлю тебя.

О ставшая матерью! В ней
Великим событиям созвучны
И плоть, и дыхание — все.

И вся — от зари до заката —
Прекрасна и совершенна,
Как чистая нива — она:

Пред ней отступает зима,
В земле поднимается юность,
И корни питают цветок.

И губы ребенка впервые
Берут материнскую грудь.

III

И мать становится подобна —
Вся — целиком и без стыда —
Кольцу, заполненному плотью,

Подобна солнечной опушке
Большого леса.

Горизонт,
Шумя листвою, окружает
Своим оазисом зеленым
Единственный и первый плод.

Кольцо. Она была подобна
Нерасторжимому кольцу
Тепла и ласки, глаз и рук,
Сияющего живота
И бледной, словно изнемогшей,
Полуденной луны.

Как в призме,
В ее глубинах преломлялось
Большое солнце.

Мир вокруг
Окрашивался тихой кровью,
И ясный, равномерный голос
Совсем по-новому звучал.

Ее раскинутые крылья
Улыбку расцветили ей
Огнями радуги.

Ее
Спокойно льющееся пенье
Звучало чисто и высоко,
Как очевидность, как пример.
Она вокруг себя глядела
И раздавала имена
Всем обликам земным.

Из теплых
И озаренных закруглений
Ее смыкающихся рук
Рождалось первое объятье,

А детский, чуть припухший рот
Без оговорок отменял
Невежество.

Она сидела,
Упруго выпрямившись.

Бедра
Гранитным цоколем держали
Светящееся тело.

Сидя,
Она, казалось, говорила,
Как надо жизнь построить.

Встав,

Она одним спокойным взглядом
Уничтожала пустоту.

Ее огромные зрачки,
Омытые прозрачным светом,
Вперялись в глубину пустынь
И населяли их мгновенно
Неисчислимою толпою
Снующих мотыльков и птиц.

Несчетной стаей мотыльков,
И птиц, и обезьян, и белок,
И шумных, маленьких упрямцев,
Бежавших из своей тюрьмы,—

Всей хлопотливою толпою
Летучих обликов, готовых
Нас окружать и развлекать.
И, глядя радостно на них,
Она затевала игры,
В которых служит белым хлебом
Простое чудо наших чувств.

Она сливала в поцелуе
Два теплых рта
И смелым сердцем

Потоку времени вверялась,
Опередившему себя.
Она не позволяла жизни
Со смертью заключить союз.
Она одно твердила: жить,
Она ломала все преграды
И так стремительна была,
Что не могла не длиться.

Мир,

Сгущаясь, тек в ее орбите:
Там лемехами плуг блестел,
И буйно семена всходили,
И собирались воедино
Все жатвы утренней земли,
И тучи лонались,
И теплый
Весенний дождь кропил поля.

Ее прозрачные черты
Упрямо утверждали сходство,
И нежно пламенел ребенок
В струенье крови золотой.

IV

Уже зарделся мох рассвета,
Чтоб людям озарить ее,
Уже на ветках вздулись почки,
На волю травы поднялись,
И жизни свадебное пенье
Очнулось после зимних снов.

И все прозрачнее сияло
Двадцатилетнее дитя.

Оно, от счастья замирая,
Ждало ребенка своего
И верило: ребенок должен
Еще доверчивее быть.

О молодость и материнство —
Как плодотворен их союз!
Пусть не был сильным этот разум,
Он был готов к любой борьбе:
Он был готов за жизнь бороться,
Чтоб над несчастьями царить.

Кто хочет жить, запомнить должен
Один закон: идти вперед.
Идти к тому, о чем мечтаешь,
Идти туда, куда идешь.
Весь мир лежит перед тобою,
Одни лишь цепи — позади.

V

И снова мир светлеет
Под радостные звуки
Безоблачного дня.
Земля приоткрывает
Свое живое чрево
Под натиском лучей,
И страстные глубины
Выносят первый плод.

Долина обнажает
Взволнованную грудь,
И под шагами солнца
Зеленая тропинка
В щебечущем лесу

Разматывает смело
Все дальше, дальше, дальше
Свое веретено.

Ребенок появился
Впервые на земле:
Почти что невесомый,
Он легче даже тени
Летящего крыла,
Но он идет спокойно
Широкою дорогой
Размеренных часов.

Прозрачною прохладой
Из кружки серебристой
Луна его поит,
И солнечные полдни
Окутывают тельце
Сияньем и теплом,
Как звоном золоченых
Больших колоколов.

В заливе колыбели
Он снова затихает,
В дремоту погружен,
И в бесконечных руслах
Его текучих снов
Смешалось воедино
И то, чем он не будет,
И то, чем будет он.

Лишь неумный голод
Во сне его тревожит,
И гонит к пробуждению,
И жжет его хлыстом.

Он голода не любит,
Но любит утоление,
И голод — это горе,
И счастье — это мать.

VI

Нежная жемчужина
Потаенных соков
В теплом, полутемном,
Мирном уголке,
Где ребенок спит,
Где греется ребенок —
Плод такой обычной,
Маленькой любви.

Но широкой пальмой
Осеньет будущее
Эту неповинную,
Крохотную жизнь —
Этот переход,
Почти неуследимый,
Из зеленых сумерек
В звездную листву.

Этот смелый выход
Из путаницы дней.

Травы убегают
Под упругим ветром,
И весна томится
В обмороке струй,
И влагает смерть
Свой трепет неизбежный
В теплые ладони
Летнего денька.

Но едва родившийся
Отвергает смену —
Смену лет и весен,
Осней и зим:
Буйная весна
Его переполняет
И текучим пламенем
Льется через край.
На пороге жизни
Он, светясь, стоит.

Маленький ребенок
Всегда один и тот же:
Вечным обещанием
Тлеющая жизнь.
Как он слаб и мал
По сравнению с миром —
Как песчинка солнца
На краю земли.

Но равнины мхов,
Ржавчина и пепел,
Но сухое сердце
Вымерзшей зимы —
Все кругом цветет
Нежданною надеждой
От его дыхания,
От его тепла.

VII

Юность не приходит в этот мир,
Ибо юность вечно в этом мире!

VIII

Это — тихий маленький ребенок
На руках у матери своей.

Это — ставший крохотною каплей
Жизни оглушительный прибор.

Это — удивительное утро,
Оплодотворившее поля.

Это — миру явленное чудо,
Пепел, красноватый от огня.

Это — нежный, трепетный светильник,
Что сияет и при свете дня.

IX

Из глубины приходят к сердцу
Воспоминания мои:

Они, сокрытые, лежат
В любом ребенке,
ожидая

Лишь выраженья своего.

Непроизвольно,

Беспричинно

Из глубины пережитого

Они доносятся ко мне.

Дитя в сиянье первых дней

На стебелек травы похоже,

Еще почти неразличимый

Среди зеленых войск весны.

И все-таки оно огромно,

Огромно — словно поцелуй

Грядущего:

все мирозданье

Целует будущую жизнь.

О, первые восторги солнца
Над ледяной росой зари,
О, первой озаренной жажды
Незабываемый прилив!

И пусть ребенок неподвижен,
Он так стремителен,
Что с ним
Взлетает к небу вся природа,

И у его босых ножек
Лежит покорно вся земля.

ЛЕГКАЯ МЕЛОДИЯ

Я посмотрел перед собой —
И увидал в толпе тебя,
В полях я увидал тебя,
В лесу я увидал тебя.

Там, где конец моих дорог,
На дне мучений и тревог,
Где поворот, а дальше — смех,
Пройдя и воду и огонь.

Зимой и летом — ты и ты,
В моей квартире — ты и ты.
В моих объятьях — ты и ты.
В моих мечтаньях — ты и ты.

И от тебя я не уйду.

ВЕСНА

На ясном пляже — озерца воды.
В лесу деревья машут и щебечут,
Как будто обезумели от птиц.
Снега ручьями побежали с гор,
А ветка яблони блестит цветами,
И даже солнце меркнет перед ней!

Все это видел я, как наяву,
Морозным вечером, в суровом мире,
С тобою рядом сидя у огня.
Ты заставляешь все цвести вокруг.
И ночи нет для нас. И то, что гибнет,
Не в силах, знаю, властвовать тобой.

Весна — для нас: она всегда права.

. У В Е Р Е Н Н О С Т Ь

Если я говорю с тобой —
 это чтоб лучше слышать тебя.
Если я слышу тебя — я уверен,
 что понимаю тебя.
Если ты улыбаешься —
 это чтоб больше пленить меня.
Если ты улыбаешься —
 я вижу весь мир.
Если я обнимаю тебя —
 это чтобы продолжить себя.
Если живем мы —
 воё превращается в радость.
Если тебя покидаю —
 мы помним друг друга.
И, покинув друг друга,
 мы снова друг друга найдем.

В Д В О Е М

Мы, за руки взявшись, идем,
Мы дома повсюду с тобой:
Под небом ночным, под сосной,
Под крышей, где жаркий камин,
На улице шумной любой,
В рассеянных взглядах толпы,
Среди мудрецов и глупцов,
Среди стариков и детей.
Нет тайн у открытой любви,
Нас видит весь солнечный мир.
Влюбленные дома у нас.

С М Е Р Т Ь — Л Ю Б О В Ь — Ж И З Н Ь

Я думал, что смогу сломить огромность глубины
Одной моей печалью одинокой.

Лежал я за тюремной прочной дверью,
Как рассудительный мертвец,
Мертвец, увенчанный одним небытием,
Лежал я на нелепых сонных волнах,
Впитавши яд любви к седому пеплу,—
И стало одиночество — как кровь.

Я жизнь хотел разъединить,
А смерть, со смертью поделить,
И сердце пустоте вернуть, и жизни — пустоту.
Стереть налет с окна, стереть само стекло,
Чтоб было впереди ничто, и позади — ничто,
одно ничто.

Легко я устранил желанье жить —
Оно само
Уходит.

*

Но ты пришла — и оживилось пламя,
Тень отступила, звезды холод озарили,
Ты появилась снова на земле, как свет,
И легким я почувствовал себя.

Пришла — и одиночеству конец,
Есть на земле вожатый у меня.
И я в пространство и во время устремился.

Я шел к тебе, я к свету шел и шел,
Жизнь стала плотью, парусом — надежда,
Мечтами, как ручей водой, струился сон,
Ночь обещала дню доверчивые взгляды,
И рук твоих лучи раздвинули туман.
Твой рот был влажен от рассветных рос,
Слепящий отдых заменил усталость,
Я снова полюбил любовь, как в детстве.

*

Поля распаханы, заводы блещут,
И хлеб гнездится на огромной зыби,
Все жнут и собирают виноград.
Ничто не просто и ничто не странно.
Глядят моря глазами дня, глазами ночи,
Лес стал защитой дерева любого,
И стены всех домов сроднились,
Скрестились все дороги.

Все люди рождены, чтоб быть друзьями,
Чтоб понимать друг друга и любить.
Их дети в будущем отцами станут —
Сегодня ж нет у них ни крова, ни огня.
Но дети переделают людей,
Природу и отчизну —
Общую для всех
И всех веков.

О Б О Д Н О М З В Е Р Е

Люблю зверей.
Вот так и Маяковский
Когда-то говорил: люблю зверей.
Ему всегда хотелось
Свою любовь на деле доказать:
Он улыбался зверю
И видел, с радостью, как отвечает зверь.

У нас была собака.
Она была немножко сумасшедшей,
С немножко слишком черной головой
На слишком сером теле.
Пришлось ее убить; я понимаю,
Ведь это — тоже вид охоты:
Знать,
Что можно выстрелом коротким
В любой момент живое существо
Лишить его дыханья.

Я часто думаю:
Источник нашей жизни —
На волю бьющая струя —
Сгибается чем дальше, тем сильнее,
И каждый день

Склоняет нас туда,
Куда мы сами так беспечно
Отправили свою собаку,
Свою смешную, бедную собаку.

...И УЛЫБКА

Нет беспросветных ночей!
Вы мне верить должны,
Если я утверждаю,
Что всегда, даже в черной печали,
Вы найдете открытое настежь окно,
Озаренное светом.
В мире есть живая мечта,
И желанья — их нужно исполнить,
И голод — его нужно насытить.
В мире есть благородное сердце,
И пожатье надежной руки,
И внимательный взгляд,
И жизнь, которая хочет,
Чтоб ее разделили с другими!

ЗАУТРЕНЯ

Мне приснилась длинная дорога,
По которой ты одна идешь,
Вся в росе, затрепетала птица,
Пробуждаясь от твоих шагов!

Шла ты рощей влажной и зеленой,
И рассвет приоткрывал уста,
Шла вперед — и загорались листья,
И тобою начинался день.

Высекать не нужно было пламя —
День сверкал, как сотни дней других.
Но пока я спал во тьме вчерашней,
Ты навстречу свету поднялась.

Ты прошла, как утренняя свежесть,
Вечным детством одарив меня.

1952

Последние стихи

ПОСЛАНИЕ КЪ ДЕЛЕГАТАМ КОНГРЕССА СТОРОННИКОВ МИРА

Хотя и безоблачно небо, хотя и спокойна земля,
Хотя беспредельное лето увенчано мирной славой,
Рыданья не знают эха. Пустынные острова
Захлестнуты гневным валом огня, нищеты и смерти!

Должны мы гибнуть напрасно иль жить в мученьях
таких,
Какие бы омрачили лазурь страстотерпцев древних!

В сравнении с грозной битвой гнусных вселенских
нажив,
Костры их — лишь разновидность сентиментальных
постелек!

Война повсюду — в Элладе, в Корее, в Индокитае,
Война повсюду, где жертвы вздымаются в мятеже,
Но война ничего не приносит — ведь нас много,
приверженцев жизни,—
Корням жизненного древа ни пепел, ни кровь не
нужны.

Земля — вся как есть — отныне в предчувствии новых
открытий,
А жизнь человека земного — огонь и прохлада ручья,
Питающего собою раздумья и счастья корни,—
Мечты призывают к деяньям, цветы порождают плод.

Я внемлю смеху — журчанью стремительного потока,
Внутри него бьется сердце, сметая тени и смерть,
Я слышу — слова влюбленных преображают время,
Душе возвращают детство, закату — рассветный луч.
И это то самое утро, мгновенье немого счастья,
И омоложение вечной надежды поющих лет,—
Надежда не памятью дышит, надежда живет грядущим.

Товарищам шлю привет я. Другьям в шеренгах идущим,
Ведущим борьбу сегодня, чтоб завтра сделалось
краше,—
Они присягают на верность любви, справедливости,
миру!

СПРАВЕДЛИВОСТЬ — ЭТО НЕ СЛАБОСТЬ

I

Все, кто в застенках Греции томятся,
Едины думами, сердцами и надеждой.

Все узники мечтают о свободе,
О мире, о счастливой, вольной жизни.

Они могли б увидеть всю планету,
Когда б границы вдруг открылись братству.

II

Все страны мне доступны,
Я могу
Познать себя в собратях — где угодно.
Но выбираю древние Афины,
Чтобы забыть о брени своей.

III

Сколько ранних смертей претерпела эта страна!
Сердце, полное чистой любви,
Под корсетом железным билось.

О, вершина мужества этой страны — высока,
И недаром меня она ослепляет,
Недаром до слез ослепляет.

Под жестоким морозом
Изысканных пыток
Загорелась эта страна,
Но — поверженная — повергнет
В пыль и пепел своих врагов.

IV

Греция!
Греция — это величье!
Это и море, и небо, и земли, и звезды,—
Ласковая страна...

И в этой стране —
Женщины, дети, мужчины
В лагере —
Словно в пустыне огромной.

Сегодня — это голод и холод,
А завтра,
А завтра — и смерть.

Человека выбросят за пределы
Достоинства и добра.

V

Слишком многие в битвах пали,
Мы не в силах их сосчитать.
Только волки имели клички,
Безыменны — были борцы.

А народ был невинной жертвой:
В справедливость он твердо верил
И к свободе упрямо шел.

VI

Страдала Греция,
Но над своим страданьем —
Как солнце светлое над мрачным морем —
Вставала, гордая, владычицей судьбы.
И время, взвесив все, высокий, гордый
Ей предназначило удел.

VII

Заря.
Протягивает свой стакан бездонный,
И новой кровью наполняется страна —
Греция.

ЛУИС КАРЛОС, ПРЕСТЕС

Я шагаю в неизвестность:
Люди, звери и деревья —
Будто призраки вокруг,
А безоблачное небо —
Свод кошмаров надо мной.

И, однако, в этом диком
И запутанном лесу
Жизнь мою, мое богатство
Не отнимут у меня
Ни химеры душной ночи,
Ни видения зари,
Ни дыханье всех мучений
Из освенцимских печей,

И ничто уже не в силах
У меня теперь отнять
Нашей родины любимой:
Ждет Бразилия меня!
Ждет меня земля родная,
Где бесчисленные братья
Так нуждаются во мне —
Потому что крепко помнят

Всю тщету прошедших жизней,
Потому что ясно видят:
Их печаль — моя печаль.

Да!
Средь всех людей несчетных
Я — всего лишь человек.
И, однако, я имею
Все права сливаться с ними
И рассчитывать на них:
Ибо вечное светило
Светит каждому из нас.

Потому-то я и вышел
Против душной тени жизни
И людской неправоты.
Мне народ помог увидеть
Свет —
И то стремленье к свету,
Что растет неудержимо
Из отчаянья его.

Все, что в жизни совершил я,—
Это то, что оставался
Человеком до конца —
Тем, кто больше не желает
Отказаться от желанья
Лучшей жизни.

Я иду —
И сплавляю воедино
Все надежды и мечты.

У меня так много братьев,
Что остаться не смогу я

Одиноким на земле.
Я сливаю наши силы,
Я к бесчисленным взываю,
Я уверен: мы сумеем
Наши реки повернуть,
Мы сумеем их направить
По руслу побед грядущих
К нашей цели вековой.

Ведь в моей стране огромной
Лес и крепче, и упрямей,
Чем сражающийся с лесом
Сокрушительный топор.
А ведь сын родной земли я:
Я дышу ее ветрами,
Я живу ее обильем,
Я расту на ней — покуда
Не иступится топор.

И ничто теперь не в силах
Уничтожить все сердца,
Что в моем горячем сердце
Разгораются и бьются:
Мы идем одним путем.
Пусть дорога камениста,
Пусть усеяна шипами —
Мы идем, лаская солнце
Молодыми головами,
Мы идем, лаская землю
Твердой поступью своей.

Я срываю все покровы
С потемневшей глубины
Нашей родины, чтоб всюду
Расставлять свои огни.

Я — и тот, кто твердо верит,
Я — и тот, кто молча плачет
И отчаиваться может,
Но всегда идет вперед
И всегда готов бороться
Против зла себялюбивых,
Против глупости извечной
И служителей ее.

Я хочу большому счастью
Настежь двери распахнуть.

Вижу я: моя надежда
Растекается по свету,
И на зов мой отовсюду
Отвечают голоса.

Отступают зло и горе,
Чтобы нам вперед шагать.

Я иду — и ясно вижу,
Как повсюду наши руки,
Наши радостные руки
Пролагают новый путь:

От сегодняшних посевов
К жатве завтрашнего дня!

ЛАЗАРЬ

I

Вечер ушел прочь. Ночь наступила, ночь,
Дикая, черная,— мир опоясала.
Завтра нужно мир вновь воскресить,
Нужно ночь, не старея, прожить, не старея, а то
День пройдет, ночь пройдет — капли сока не дав,
Если юности силы не будет в руках.
Если стану я стар, станет по сердцу сердцу лишь
ночь,
Ночь — пустыня без света, без звука, без тепла,
без надежды.
Ночь вползает в меня, ядовитая, горькая,
Поцелуями смерти растлеивает мне губы.
Боли нет в моем теле нигде, но я знаю, что это —
недуг.
Мое тело истерзано, гибель моя несомненна.
Ночь в плоды свои зубы вонзает, ночь меня убивает.

II

Как сигнал, вьется дымок к солнцу.
Тает лед на моем сердце.
И слова — как пчелиный рой.

Мое сердце, что было мертвым,
Возвращается в мир живой.

Оживают волшебные силы
Здесь в моих десяти пальцах.
И зима, белоснежная, хрупкая,
Умирает в моих зрачках.

Ночь нас учит ходить.
Что-то робко лепечет заря.
Жизнь, соперница смерти, оружием новым
сверкает.
Совершаю я первый свой шаг из колыбели могилы.

Слезы, слезы текут, согревая меня.
Мои ноги идут.
Над моей головой солнце,
Доброе солнце, оно силы во мне умножает.
Я спешу сделать солнца запас,
Против мрака забвения,
Для моих дочерей, для моих матерей,
И уже я в себе ощущаю бессмертия силу.

Солнце, луна,
Словно муж и жена в синем небе.
Вижу я солнце, и вижу я мрак.
Я живу, и свободен смотреть я и видеть.

III

На сто сирот — один опекун.
Все разрушено, все.
На сто жертв — один герой,
И я побежденный лежу.

Страшными ранами я покрыт,
Кровью замаран весь.
Смеюсь я, и смех мой глуп и труслив.
Я втоптан в черную грязь.

Гаснет в сердце огонь,
Нет в нем больше бессмертия силы.
Небесам безразлична гибель моя,—
От нее лишь прибудет земли на земле.

Но на ложе моем из желчи и тьмы
Остается надежда жить.

Право жить без страданий будет дано другим,
Без страданий и без могил.
Им не надо будет идти по дороге, которую я
прошел,
И смерти соблазны им неведомы будут.

Свет на их сердце будет всегда,
Свет на их теле.
Свет на твореньях их рук.
И ничто разрушенью не будет подвластно.

Ж А К У Д Ю К Л О

Хозяева укрылись в пасти зверя,
И яд подстерегает всю страну.
Война и нищета так нагло откровенны,
Хозяева же празднуют весну.

«Неделя Розы», «Ночь Изящных Платьев»,
Хандра и маски, пестрота гримас,—
Когда весна прекрасней что ни час,
Весна — надежда наших братьев.

А для господ весна — как праздник смерти,
Они убить готовы всех подряд,
Они набросить петлю норовят,
Они несут заразу и страданье

И у людей хотят украсть сознание.
Пришла пора застенков и оков,
Когда пытаются и просто, и легко
Невинных изувечить грязной бранью.

Хозяев клика устремилась к войнам,—
К таким, каких еще не видел свет,
Изысканным и беспощадным бойням,
Сводящим человечество на нет.

Но муки порождают единенье.

И дети мужества выходят на борьбу,—
Они тверды, они не знают страха,
Они решат грядущего судьбу.

Они — как старшие в семье бойцов свободы,
Смеются, словно Белояннис сам,
За них — Тунис, Корея и Вьетнам,
За них и с ними — всей земли народы.

Как жить и как бороться без надежды,
Не понимая завтрашнего дня?
Как допустить, чтобы в грязи и пепле
Отсохли руки и глаза поблекли?

За занавесом золотым — жизнь и победа,
Победа, что уже давно манит борцов.
Они не устроятся и не дрогнут,
Они и мы уверены в заре.

Весна борьбы — она ведет полмира,
Другую половину осветив,
Она ведет нас к берегам мечты и света,—
Туда, где край заветный лета,

Прекрасного, как первый поцелуй.

ПРАГА ВЕСЕННИМ ВЕЧЕРОМ

Прага вчерашняя... Новая Прага...
Веря в свое счастливое завтра,
Прага уснула с глазами открытыми.

Белое с золотом платье на ней.
Это цветá ее утренних зорь.
И тьму отгоняют ее глаза.

Прага весною — сама как весна.
Зная, откуда приходит тепло,
Прага растет, пронизана светом.

Сомненья сюда не войдут.
Прага на голос живой отзывается,
Словно звезда сквозь вечерние сумерки.

Дочь свою, Лидице, в сердце храня,
Прага своею скорбью сильна.
Никто не посмеет ее оскорбить.

Фучик, как девушку, Прагу любил,
Чуткую, чистую душу ее.
Прага своих раздавила врагов.

Прага, вся в белом и в золоте, дремлет.
Вечер. Весна. И глазами открытыми
Прага в грядущее смотрит.

ВЕРА АНРИ МАРТЕНА

Гуляет ветер, порывист и смел,
Вдали от тюремной стены.
А я — в тюрьме, за то что посмел
Голос поднять против черных дел,
Против войны.

Я молод, друзья, и жизнь для меня —
Душистое утро весны.
Я вижу сиянье грядущего дня,
И эта вера сильнее огня
Ненависти и войны.

Они одиноки в просторах земли —
Те, кто хотят войны.
Друзья, мы надежду в борьбе обрели,
Мы завтра в путь поведем корабли
К солнцу весны!

Примечания

Стр. 111. *Гарсиа Лорка* (1899—1936) — выдающийся испанский поэт и драматург; убит фашистами в Гранаде в первые дни франкистского мятежа; *Жан-Поль Ру* — французский поэт; расстрелян гитлеровцами.

Стр. 112. *Жак Декур* (псевдоним Даниэля Декур-деманша) (1910—1942) — французский писатель и публицист, член компартии, участник движения Сопротивления, один из основателей Национального комитета писателей Франции и еженедельника «Литтр франсез»: расстрелян гитлеровцами.

Стр. 128. «*В середине августа...*» — Утром 19 августа 1944 года в Париже началось восстание; 25 августа столица Франции была полностью освобождена от немецко-фашистских захватчиков.

Стр. 130. *Габриэль Пери* (1902—1941) — национальный герой французского народа, член ЦК Коммунистической партии Франции, один из организаторов движения Сопротивления; расстрелян гитлеровцами.

Стр. 134. *Полковник Фабьен* — герой движения Сопротивления, коммунист, руководитель партизан Парижского района; выстрел Фабьена, убившего на улице Парижа высшего гитлеровского офицера, явился сигналом к разворачиванию массовой борьбы патриотов против фашистских захватчиков; *Лоран Казанова* (род. в 1906 г.) — видный деятель коммунистической партии Франции.

Стр. 179. *Эжен Гийевик* (род. в 1907 г.) — французский поэт, коммунист.

Стр. 205. *Поль Вайян-Кутюрье* (1892—1937) — один из руководителей Коммунистической партии Франции.

писатель, поэт; в 1936—1937 годах — главный редактор газеты «Юманите»; Шапель — один из кварталов Парижа.

Стр. 211. XI съезд Коммунистической партии Франции состоялся в Страсбурге в июне 1947 года: Жаннета Вермерш — видный деятель Коммунистической партии Франции.

Стр. 240. *Граммос* — гора в Греции, один из важных опорных пунктов греческих партизан.

Стр. 243. XII съезд Коммунистической партии Франции состоялся в парижском пригороде Женевилье в апреле 1950 года.

Стр. 247. В августе 1948 года в польском городе Вроцлаве состоялся Всемирный конгресс деятелей культуры в защиту мира.

Стр. 263. *Жан Фревилль* (род. в 1898 г.) — французский писатель и публицист; член коммунистической партии.

Стр. 280. *Доминика* — жена Поля Элюара.

Стр. 322. *Луис Карлос Престес* (род. в 1898 г.) — генеральный секретарь Коммунистической партии Бразилии.

Стр. 329. *Жак Дюкло* (род. в 1896 г.) — секретарь ЦК Коммунистической партии.

Стр. 332. *Анри Мартен* — национальный герой Франции, мужественный борец за мир, против колониальной войны во Вьетнаме.

Содержание

<i>Илья Эренбург. О поэзии Поля Элюара</i>	3
--	---

1913—1936

ИЗ РАННИХ СТИХОВ. 1913—1917

Безумец говорит. <i>Перев. С. Северцева.</i>	15
Другу. <i>Перев. С. Северцева.</i>	17
Собака. <i>Перев. С. Северцева.</i>	18
Искусство танца. <i>Перев. С. Северцева.</i>	19
Единство. <i>Перев. С. Северцева.</i>	20
Ляжем спать, старина... <i>Перев. С. Северцева.</i>	21

ДОЛГ И ТРЕВОГА. 1917

Фернану Фонтэну. <i>Перев. А. Тверского.</i>	22
„Малютка-девушка...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	23
Верность. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	24
Тревожит меня. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	25
Мои последние стихи. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	26

ЧТОБЫ ЗДЕСЬ ЖИТЬ. 1918

Чтобы здесь жить. <i>Перев. М. Ваксмахера</i>	27
---	----

СТИХИ О МИРЕ. 1918

I	„Счастливая женщина...“ <i>Перев. А. Тверского.</i>	28
II	„Сияющая!.. Грудь твоя легко...“ <i>Перев. А. Тверского.</i>	28
III	„О мои товарищи по битвам...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	28
IV	„Ты ходил в атаку с толпою солдат...“ <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	29
V	„Пускай мой ребенок упрям и капризен...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	29
VI	„Трудись...“ <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	29
VII	„Любимая, пусть расцветает...“ <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	29
VIII	„Мое лицо ненужным было долго...“ <i>Перев. А. Тверского.</i>	30
IX	„Мне нужна возлюбленная...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	30
X	„Я, как юноша, мечтаю...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	30
XI	„Вновь сады озарены цветеньем...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	30

ЖИВОТНЫЕ И ИХ ЛЮДИ.
ЛЮДИ И ИХ ЖИВОТНЫЕ. 1920

Рыба.	<i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	31
Влажный.	<i>Перев. С. Северцева.</i>	32
Птицы и ветки.	<i>Перев. С. Северцева.</i>	33

ПРИМЕРЫ. 1921

Рабочий.	<i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	34
Прекрасное.	<i>Перев. С. Северцева.</i>	35
Музыкант.	<i>Перев. С. Северцева.</i>	36

СТОЛИЦА ГОРЯ. 1926

Всегда вперед.	<i>Перев. С. Северцева.</i>	37
Без обиды.	<i>Перев. А. Ладинского.</i>	38
Их глаза по-прежнему прозрачны.	<i>Перев. А. Ладинского.</i>	39

Самый юный. <i>Перев. С. Северцева.</i>	40
Возлюбленная. <i>Перев. С. Северцева.</i>	41
Преходящее и вечное. <i>Перев. А. Тверского.</i>	42
„Твои глаза — круг сердца моего...“ <i>Перев. А. Тверского.</i>	43
„Мир пуст, и в нем — оранжевость волос...“ <i>Перев. А. Тверского.</i>	44
Постоянная и вся. <i>Перев. А. Тверского.</i>	45
Деревни усталости. <i>Перев. С. Северцева.</i>	47
Лицо. <i>Перев. С. Северцева.</i>	48

ЛЮБОВЬ, ПОЭЗИЯ. 1929

Я сказал тебе это. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	49
---	----

ПОГРУЖАЯСЬ В ЖИЗНЬ. 1932

Критика поэзии. <i>Перев. А. Ладинского.</i>	50
Довольные. <i>Перев. С. Северцева.</i>	51
Зло. <i>Перев. С. Северцева.</i>	52
Возраст жизни. <i>Перев. А. Тверского.</i>	53

РОЗА ДЛЯ ВСЕХ. 1934

Небо часто смотрится в себя ночью. <i>Перев. А. Ладинского.</i>	57
---	----

ЩЕДРЫЕ ГЛАЗА. 1936

„Нельзя меня знать...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	59
Длиться. <i>Перев. С. Северцева.</i>	60

1937 — 1945

СВОБОДНЫЕ РУКИ. 1937

Свобода. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	63
Под золотым лучом. <i>Перев. С. Северцева.</i>	64
Добрый год. <i>Перев. С. Северцева.</i>	67

Чувства <i>Перев. С. Северцева.</i>	68
„Стерлось все...“ <i>Перев. С. Северцева.</i>	69
В старом доме. <i>Перев. С. Северцева.</i>	70

ТЕЧЕНИЕ СОБЫТИЙ. 1938

Без возраста. <i>Перев. С. Северцева.</i>	73
Ноябрь 1936. <i>Перев. С. Северцева.</i>	76

ПОЛНОТА ПЕСНИ. 1939

Мы существуем. <i>Перев. А. Ладинского.</i>	78
Вчерашние победители погибли. <i>Перев. С. Северцева.</i>	80

ОТКРЫТАЯ КИ ИГА. 1940—1941

Жить. <i>Перев. С. Северцева.</i>	82
Звать. <i>Перев. С. Северцева.</i>	85
Боги <i>Перев. С. Северцева.</i>	87
Союз. <i>Перев. С. Северцева.</i>	88
Первое мгновенье. <i>Перев. С. Северцева.</i>	89
Проходить. <i>Перев. А. Тверского.</i>	90

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА. 1942

Свобода. <i>Перев. З. Гуковской.</i>	91
Терпение. <i>Перев. С. Северцева.</i>	95
Скоро. <i>Перев. С. Северцева.</i>	96
Затемнение. <i>Перев. А. Голембы.</i>	97
Часы остановились. <i>Перев. А. Ладинского.</i>	98
Вымуштрован голодом ребенок. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	99
Последняя ночь. <i>Перев. С. Северцева.</i>	100

ЛИЦОМ К ЛИЦУ С НЕМЦАМИ. 1942—1945

Извещение. <i>Перев. А. Тверского.</i>	104
Мужество. <i>Перев. Е. Долматовского.</i>	105
Дебет и кредит врага. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	107

„Некоторые французские интеллигенты служили врагу“. <i>Перев. А. Тверского.</i>	108
„Во имя мыслей всех твоих..“ <i>Перев. А. Тверского</i>	109
Критика поэзии <i>Перев. Н. Разговорова</i>	111
Заря разгоняет чудовищ. <i>Перев. С. Северцева</i>	113
Enterrag у call.г. <i>Перев. А. Голембы</i>	115
Оружие горя. <i>Перев. А. Тверского.</i>	116
Убива ь. <i>Перев. А. Тверского.</i>	121
Глупые и злобные. <i>Перев. М. Ваксмахера, а.</i>	122
Той, о которой они мечтают. <i>Перев. С. Северцева.</i>	125
В середине августа. <i>Перев. А. Голембы.</i>	128
Габриэль Пери. <i>Перев. З. Гуковской.</i>	130
День для всех одинаков. <i>Перев. А. Тверского.</i>	132
Ради людей. <i>Перев. М. Ваксмахера</i>	134
Продавцы индульгенций. <i>Перев. С. Северцева.</i>	137
Nos unigemos. <i>Перев. С. Северцева.</i>	139
Об одной победе. <i>Перев. С. Северцева.</i>	141
Рождество. У обвиняемых Нюрнберга — каникулы. <i>Перев. С. Северцева.</i>	143

ПОСТЕЛЬ, СТОЛ. 1944

„В зарослях звери — как дома...“ <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	145
С тобой. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	146
Без тебя. <i>Перев. С. Северцева.</i>	147

1946 — 1951

НЕУМОЛЧНАЯ ПОЭЗИЯ. 1946

Неумолчная поэзия. <i>Перев. А. Голембы.</i>	151
Труды поэта. <i>Перев. А. Голембы.</i>	179

ДОСТОЙНЫЕ ЖИТЬ. 1948

Незапятнанный огонь. <i>Перев. С. Северцева.</i>	184
Ночь. <i>Перев. С. Северцева.</i>	186
Волк. <i>Перев. С. Северцева</i>	187

Извне. Перев. С. Северцева.	188
Погоня. Перев. С. Северцева.	189
Судьба. Перев. С. Северцева.	190
Последний миг. Перев. С. Северцева.	191
Пабло Пикассо. Перев. С. Северцева.	192
В наши дни. Перев. С. Северцева.	194
Сегодня вечером. Перев. С. Северцева.	196
Заря. Перев. С. Северцева.	197
„Одна веревка...“ Перев. С. Северцева.	198
Огонь. Перев. С. Северцева.	199
К одной годовщине. Перев. А. Голембы.	200

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТИХИ. 1948

Афина. Перев. А. Тверского.	201
В Испании. Перев. М. Ваксмахера.	203
Испания. Перев. М. Ваксмахера.	204
Памяти Поля Вайяна-Кутюрье. Перев. С. Северцева	205
„Целью поэзии должна быть применимая к жизни правда“. Перев. А. Тверского.	207
Невозможное желание. Перев. А. Тверского.	209
Страсбург, XI конгресс Перев. А. Голембы.	211
Сестры надежды. Перев. А. Голембы.	212
Улице. Перев. С. Северцева.	213

ЛЕДА. 1949
(Фрагменты)

Первый сон Леды. Перев. С. Северцева.	217
Тело. Перев. С. Северцева.	218
Бог говорит. Перев. С. Северцева.	219
Ожидание. Перев. С. Северцева.	220
Слияние. Перев. С. Северцева.	221
Торжество. Перев. С. Северцева.	223
Победившая. Перев. С. Северцева.	224

УРОК МОРАЛИ. 1949

О, бесконечная смерть. Перев. С. Северцева.	226
О Первом мая — первого мая. Перев. А. Тверского.	228

Тени. Перев. А. Тверского.	229
Греция. Перев. А. Ладинского.	232
Карайоргис. Перев. А. Тверского.	233
Чтоб больше не быть одинокими. Перев. М. Ваксмахера.	237
Молитва вдов и матерей. Перев. А. Тверского. .	239
Гора Граммос. Перев. А. Ладинского.	240

ПОСВЯЩЕНИЯ. 1950

Легион. Перев. С. Северцева.	241
XII съезд Компартии Франции. Перев. К. Си- монова.	243
Говорят работницы. Перев. М. Ваксмахера. . .	244
Речь, посвященная столетию со дня смерти Шандора Петефи. Перев. А. Тверского. . .	245
Счет к оплате. Перев. М. Ваксмахера.	247
Моим товарищам печатникам. Перев. С. Мор- шака	248
Советский Союз — единственная надежда. Пе- рев. Н. Разговорова.	249
Во имя дружбы. Перев. А. Тверского	251

ВОЗМОЖНО ВСЕ СКАЗАТЬ. 1951

Все сказать. Перев. М. Ваксмахера	253
Могущество надежды. Перев. А. Тверского.	257
Тревога людей нашего времени. Перев. А. Ла- динского.	259
Поэты, которых я знал. Перев. М. Ваксмахера. .	263
Днем. Перев. С. Северцева.	266
Закон. Перев. С. Северцева.	268
Грядущий день. Перев. С. Северцева.	270
Окаменение поэта. Перев. С. Северцева.	272
Вдохновение поэта. Перев. С. Северцева.	273
Миру грязят, но мир победит. Перев. М. Вакс- махера.	275
Справедливость. Перев. А. Голембы.	277

ФЕНИКС. 1951

Феникс. Перев. А. Ладинского.	278
Ты со мной сегодня, Доминика. Перев. С. Север- цева.	280

Писать, рисовать, чеканить. <i>Перев. С. Северцева.</i>	283
Раннее детство Доминики. <i>Перев. С. Северцева.</i>	293
Легкая мелодия. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	305
Весна. <i>Перев. С. Северцева.</i>	306
Уверенность. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	307
Вдвоем. <i>Перев. А. Тверского.</i>	308
Смерть — любовь — жизнь. <i>Перев. А. Тверского.</i>	309
Об одном звере. <i>Перев. С. Северцева.</i>	311
...и улыбка. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	313
Заутреня. <i>Перев. С. Северцева.</i>	314

1952

ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ

Послание к делегатам Конгресса сторонников мира. <i>Перев. А. Голембы.</i>	317
Справедливость — это не слабость. <i>Перев. А. Тверского.</i>	319
Луис Карлос Престес. <i>Перев. С. Северцева.</i>	322
Лазарь. <i>Перев. Н. Разговорова.</i>	326
Жаку Дюкло. <i>Перев. А. Тверского.</i>	329
Прага весенним вечером. <i>Перев. М. Ваксма- хера.</i>	331
Вера Анри Мартэна. <i>Перев. М. Ваксмахера.</i>	332
Примечания.	333

ПОЛЬ ЭЛЮАР
СТИХИ

Редактор *А. Палладин*
Художеств. редактор *Д. Ермоленко*
Технический редактор *В. Гриненко*
Корректор *Г. Старенкова*

•

Сдано в набор 16|IV 1958 г.
Подписано к печати 17|IX-1958 г. А08335
Бумага 70×92¹/₃₂—10,75 печ. л. —12,6 усл.
печ. л. 9,44 уч.-изд. + 1 вклейка = 9,47 л.
Тираж 10 000. Цена 5 р 75 к.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

•

Типография Татполиграф
Министерства культуры ТАССР.
Казань, ул. Миславского, д. № 9.

